

Евгения ПОЛЯНИНА

ТЕНЬ

Annotation

Зеленая Гора — маленький городок в Ленинградской области. Макарова Катя — маленькая старшеклассница живущая в Зеленой горе. Однажды ее начинает преследовать тень большого волка, и с этого дня жизнь круто меняется.

Катя узнает, что в ней течет кровь древних охотников. Сила, ловкость, способность сливаться с тенью — одна сторона медали. Другая — постоянные сражения, боль, страх за свою жизнь и жизни близких. Ко всему прочему, издалека идет загадочный Демон в черном...

Евгения Игоревна Полянина

Тень

© Евгения Полянина, текст, 2017

© Станислав Галай, ил. для обложки, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть 1
Охотник

...даже если ты не чувствуешь Мало, Мало почувствует тебя.

Темнота завихрилась и исчезла, сменившись рыжими пятнами. Пятна полыхали где-то на веках... Ослепла? Умерла? Перед глазами что-то горело, и слышен был только монотонный треск.

Катя зажмурилась, постаралась опустить стучащую боль куда-то вниз, растворить ее в земле, но провалилась. Зато поняла, что с глазами все в порядке. Всего-навсего забыла их открыть. Или разучилась после удара.

Мысли были вязкими и глупыми.

Катя сосредоточилась: поднять веки. Она впервые позавидовала Вию — ему хотя бы помогали — и застонала: затылок полыхнул болью.

... почувствует тебя...

Боль начала опадать. Катя сморщилась: ослепил свет. Она заметила на его фоне черную змею, змея ползла и ползла, поднимаясь, на ее чешую липли листья и пыль...

Катя моргнула еще несколько раз, сфокусировала взгляд, змея превратилась в шину. Колесо велосипеда продолжало крутиться. Спицы ударялись о ветку, издавая молотящий звук. Загадка решена, Шерлок.

Катя присела, провела рукой по затылку: прикосновение отдало болью. Будет огромная шишка.

И поскольку думать о голове совсем не хотелось, Катя сосредоточилась на остальном. Она схватилась за руль, присела, осмотрела себя и выдохнула. Джинсовый комбинезон покрылся пятнами от травы, кеды в грязи. О белой футболке глупо даже думать. Она посмотрела в зеркало заднего вида — над правым глазом ссадина, темные волосы сбились в гнездо, как у ведьм из сказок, в гнезде застряли колоски и выюнки.

Провела рукой по ногам. Ссадина на колене, и слева на лодыжке царапина. Царапины были и на правой руке, и наверняка под футболкой уже набухают очаровательные фиолетовые синяки. Плюс голова. Будь проклят активный образ жизни!

Ветви деревьев зашевелились, из-за них появилось колесо велосипеда, потом каштановая макушка, потом Гоша целиком. Он толкал велосипед перед собой и, судя по чистеньким джинсам и лимонной футболке с красными буквами: «Я ничего не довожу до кон...» — ему спуск дался немного легче.

— Ты как? — он попытался сказать это серьезно, даже обеспокоенно, но в уголках губ затаилась улыбка. За двенадцать лет дружбы Катя научилась считывать такое на раз. Она с досадой треснула кедом по велосипеду, колесо закрутилось, спицы снова затрещали.

— В следующий раз займемся тем, что я люблю, — буркнула она, проверяя, не раздавила ли сэндвичи. Ко всему прочему, рюкзак из розового превратился в коричнево-зеленый.

Гоша притворно вздернул брови.

— Мы и так каждый день смотрим фильмы.

— Я не об этом, — возразила Катя, — я имею в виду... валяться на диване, есть чипсы... Чем эта машина пыток, — она толкнула велосипед, — лучше?

— Здоровье?

— О да, я выгляжу чертовски здоровой.

Она заставила себя подняться на ноги, убедилась, что голова больше не идет кругом. Да и боль прошла. Посомневалась, не бросить ли велосипед здесь, но решила забрать. В крайнем случае можно продать и потратить деньги на что-нибудь действительно важное: приставку или новый плеер.

Катя выровняла велосипед и потащила вверх по горке.

— Слушай! — позвал Гоша, взбираясь за ней к дороге. — Ты же нормально ехала. Почему вдруг упала?

— Не знаю, — призналась Катя и вдруг поняла, что не помнит.

Они выбрались к дороге, которая тонкой заасфальтированной змейкой тянулась по парку. Катя посмотрела вперед и нахмурилась: если бы она проехала еще метров двести, рухнула бы прямо в озеро.

В какой-то степени ей даже повезло. Исцарапанная, злая, но, по крайней мере, не мокрая. К тому же теперь у нее появился отличный повод прогулять ИЗО и заглянуть в медпункт. Катя бросила велосипед на обочине, стянула рюкзак и принялась шарить по карманам.

Где-то они точно были.

Гоша привалил велосипед рядом.

— Точно, ничего серьезного? — спросил он. Он был на полголовы выше, и ему отлично удавалось давить ростом. Его взгляд прожигал макушку. Катя невольно провела по затылку рукой.

— Только царапины, — она достала упаковку пластырей и победно потрясла перед его носом. А потом выдохнула: когда-то пластыри со зверюшками казались хорошей идеей. В те прекрасные времена, когда Катя не думала, что придется клеить их на самом деле.

«Да, сегодня будет трудный день в школе», — мучительно подумала она.

— Лучше все-таки заскочить в медпункт, — посоветовал Гоша.

— Конечно, я заскочу, — Катя налепила пластырь на ногу и еще один на плечо, — и буду надеяться, что меня отпустят с уроков.

На лице Гоши появилась хищная ухмылка.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Макарова, — сказал он строго, — ты специально упала, да?

— Что? С чего бы? — Катя залепила пластырем ладонь и скосила взгляд кверху, как будто надеялась разглядеть ссадину на лбу. Нет уж, подумала она, сюда она ничего лепить не будет.

Гоша изобразил руками весы:

— Контрольная по истории или несколько царапин? Действительно, сложный выбор. Так и вижу это, — он выставил руки вперед, будто давал представление, — ты спокойно себе ехала, а потом вдруг вспомнила про контрольную и решила: была не была. Резкий поворот руля, кусты, ветки, вся жизнь перед глазами...

Катя убрала за ухо торчащую прядь и уставилась на небо. Небо было светлым и высоким,

усеянным рябью серых облаков, будто его разъедала плесень.

А действительно, почему она упала? Хорошо бы вспомнить... Не то чтобы Катя была мастером крутить педали, и не то чтобы дорога в парке представляла собой образец гладкости, но... Здесь не было ни заметных ям, ни больших камней. Люди утром ходили редко, и Катя наверняка успела бы свернуть. Гоша тоже не заметил ничего странного, раз спросил.

В голове промелькнула неясная мысль. А если не удар послужил причиной амнезии? Если какой-то случай (мысленно Катя назвала его Икс) вызвал потерю и управления и памяти?

Она встряхнула головой и направилась по аллее, волоча велосипед справа. Если Гоша надеется, что она еще хоть раз залезет на эту адскую машину, он сильно ошибается.

Она пропустила друга вперед и поплелась следом, думая, как бы проскочить в медпункт и не попасться на глаза одноклассникам. Они наверняка посмеются над ее видом: растрепанная, грязная и с разноцветными блестящими пластырями для детей. Гоша словно угадал ее мысли.

— Какая разница, — пробормотал он, — ты все равно ненавидишь половину школы.

— Не ненавижу, а высокомерно презираю, — возмутилась Катя, — это большая разница, — она поправила рюкзак и остановилась. Ей вдруг показалось, что она вспомнила.

Но, конечно, это не могло быть правдой. Просто разыгралось воображение. Потеря памяти, пусть даже всего на секунды, вызвала мысли о кошмарах, и вот пожалуйста. Теперь ей кажется, будто она упала, потому что заметила в кустах светящиеся желтые глаза.

* * *

Катя сидела в медпункте, изучая от нечего делать плакаты, посвященные чистке зубов. С них скалились хищные дамочки, вцепившиеся когтями в маленьких детишек. Картинка справа изображала рот с полным набором белоснежных, один к одному зубов. Катя моргнула от резкой боли.

Ей показалось, она вспомнила еще что-то. Не только желтые глаза. Черные, как обсидиан, клыки торчали из скалящейся пасти. Она встряхнула головой и сказала себе строго: «Воображение, Макарова. Фильмы ужасов».

Ветер раздувал шторы. Из закрытого ноутбука плыл голос Смита. Того, который Брэнт и который может петь и низко, в отличие от писклявого Сэма. Про писклявого объяснил Николай Владимирович, когда Катя приходила к нему в прошлый раз. Кажется, вчера или позавчера.

Она вообще любила сидеть в медпункте.

Дверь открылась. Вошел доктор, улыбнулся, поправив подвернутые рукава халата.

— Макарова, — пробормотал он, — ну надо же, как неожиданно.

Ему было под тридцать, и улыбка делала его похожим на шарпея. Николай Владимирович собирал длинные волосы в узел, наматывал полосатый шарф, если было холодно, и подворачивал зелено-голубой халат, чтобы все видели цветную татуировку змеи на правом запястье. В медпункте всегда играла хорошая музыка: Беллами, Гонтье, Кобейн, —

еще одна причина, по которой Катя часто здесь появлялась.

— На этот раз я по делу, — Катя показала на пластыри и тут же пожалела: надо было сорвать их раньше, глупые детские блестяшки! — Велосипед, — пояснила она многозначительно, — упала по дороге в школу.

Катя сорвала пластыри и протянула руки. Николай Владимирович подошел, осмотрел ее лицо, покрутил локти, даже взглянул на колени.

— Этим «ссадинам» как минимум четыре дня, — заявил он хмуро. — Если хотела слинять с уроков, пошла бы проверенным путем, съела бы пару карандашей.

Катя с удивлением уставилась на руки — на месте царапин остались тонкие белые полосы. И это было как минимум странно.

— Я не вру, — пробормотала она, хмурясь.

Николай Владимирович прошел к столу. Водрузил перед собой пачку бумаг и принялся изучать, не обращая на нее никакого внимания.

— Я не вру, — повторила Катя, на этот раз зло. — Гоша может подтвердить. Я упала сегодня. Видите, — она указала на одежду, — грязь.

Доктор быстро взглянул и вернулся к работе.

— Напомни-ка, — бросил он между делом, — Гоша — это случайно не лучший друг, с которым вы частенько прогуливаете вместе? Он, конечно же, незаинтересованная сторона.

Катя поджала губы. Смит в ноутбуке старательно тянул:

Если я утону этой ночью, верни меня к жизни...

— Я клянусь, что говорю правду, — выговорила Катя медленно, — я упала сегодня. Еще я, кажется, ударилась головой и... — она хотела рассказать про провал в памяти, но если доктор не поверил даже в падение...

Николай Владимирович оторвался от бумаг, подошел к ней, включил фонарик на телефоне и посветил в глаза.

— Выглядишь здоровой, — он потрепал ее по голове, — и если ты и правда грохнулась с велосипеда только сегодня, поздравляю, твоей регенерации позавидует Росомаха. Но, так или иначе, я не стал бы отпускать тебя с уроков из-за пары царапин. Или тебя беспокоит еще что-то?

Он заглянул Кате в глаза, она уже открыла было рот, чтобы сказать, но вовремя остановилась. Только заикнись об этом, и тебя затаскают по врачам. А что может быть приятнее, чем чувствовать себя больной на голову? В любом случае, она всегда успеет сказать, если станет хуже.

Катя покачала головой. Спрыгнула с кушетки и направилась к выходу.

— Все в порядке, — пробормотала она на прощание.

Доктор ничего не ответил. Только голос Смита из ноутбука протянул вдогонку:

Если бы ты только знала.

* * *

Катя пропустила половину рисования, но на вторую пришлось идти. Она немного привела себя в порядок в туалете. Одежда была перепачкана, да и какая разница. Можно

подумать, ее очень волновало, что о ней будут говорить.

У самой двери Катя остановилась — почувствовала за спиной какое-то движение. Показалось даже, услышала далекий голос.

Дернулась. Повернулась.

И выдохнула.

В конце коридора, подпрыгивая, шла девчонка в красном пиджаке, как у агентов по недвижимости. Просто шла, уставившись в телефон.

И никакой паранойи.

Катя отогнала лишние мысли. Рывком распахнула дверь и вошла, стараясь не замечать, как косятся на нее одноклассники. Спасибо Гоше, он уже приготовил для нее мольберт. Спасибо вдвойне — установил его в самом дальнем углу класса.

Катя забрала свою коробку с красками, нацепила фартук — можно подумать, ее наряд может стать еще хуже — и принялась за дело.

Делом она, конечно же, считала не рисование. Рисование — отвлекающий маневр, чтобы собраться с мыслями и обдумать произошедшее. Стоит ли кому-нибудь рассказать о своей проблеме?

Сначала Катя хотела поделиться с Гошей, но передумала. Во-первых, он в этом разбирается не лучше, чем она. Будет волноваться, а на деле только отшутится и предложит обратиться к доктору.

Обратиться к доктору — вообще-то неплохой совет, но Катя терпеть не могла все эти процедуры, справки, взволнованную маму. Или — еще хуже — вдруг мама просто сплавит ее Эрику и снова вернется к работе.

Проверить Кате не хотелось. Ей вообще не нравилась идея что-то менять. Практика показывала, что от перемен становится только хуже.

Она опустила кисть в черную краску и начала водить по мольберту. Не думала, что именно хочет изобразить. Просто начала с пятна. Пятно получилось неровным, Катя рассмотрела в нем продолговатый силуэт, начала прорисовывать мелкие детали...

Она слышала, что иногда после удара память частично отшибает, но это временно, она быстро возвращается, и ничего страшного в этом нет. Стоило подождать хотя бы несколько дней, а потом уже думать. Скорее всего, Катя просто увидела белку, дернула руль...

Нет, в Центральном парке Зеленой Горы никогда не было белок.

Катя посмотрела на свой рисунок, добавила несколько мазков, вытянула уши и лапы: все равно получалось непонятное пятно, которому позавидовал бы сам Роршах. Немного подумав, она вытерла кисть и потянулась к желтой краске.

— Волк? — одернула ее Мария Николаевна. Она умела вырастать за спиной, будто из ниоткуда. — Почему именно волк?

Действительно, хороший вопрос. Но для начала, как Мария Николаевна вообще разглядела в этом пятне волка? То есть да, Катя, кажется, рисовала именно его, но ее художественный талант оставлял желать лучшего.

— Почему он черный? — продолжала учительница.

Катя пожала плечами.

— Он сделан из тени.

— То есть тень?

— Ну да, пожалуй так. Я не знаю, — Катя выдохнула, — просто...

— Не хотела смешивать краски? — перебила Мария Николаевна. — Знаешь, ты могла бы нарисовать действительно что-то стоящее, если бы не ленилась.

Катя еще раз посмотрела на получившийся овал с торчащими лапами и поморщилась:

— Вы уверены?

Гоша, который стоял справа и рисовал абстрактную картину «Как моя подруга грохнулась с велосипеда», прыснул смехом. Катя смерила его недовольным взглядом. Одно хорошо: надвигается дождь, поэтому они поедут домой на такси. Велосипеды пока поваляются в подсобке сторожа. Если повезет, несколько дней. А если случится чудо, сторож разберет их на части и выкинет.

Ее мысли прервал звонок. Катя с солдатской готовностью сорвала лист с мольберта, скрутила в трубу и сунула на стол с незаконченными работами. Хватит на сегодня дождей, велосипедных травм, и... Она сглотнула.

На стене была тень волка. Тусклая и едва заметная. Катя попыталась убедить себя, что ей только показалось. Что это наверняка просто тень от тюля...

И ничего странного не происходит.

Но его глаз светился желтым.

Она отшатнулась. Не может быть. Не может, не может быть. Просто разыгралось воображение, просто ей кажется, просто...

Кто-то толкнул в плечо.

Катя дернулась, повернулась. Лицо Шитова перед ней немного плыло. Это ведь доказывает, что ей просто показалось, так?

— Ты в порядке? — спросил Шитов. Он заглядывал прямо в глаза. — Выглядишь не очень.

Катя встряхнула головой. Ей сейчас не до разборок с одноклассниками. Она обернулась к стене, но тени уже не было.

— Просто задумалась, — кажется, так она сказала. Или что-то в этом роде... Отошла в сторону, еще раз посмотрела на стену — ничего. И все-таки, наверняка, это была просто тень от тюля.

* * *

С неба лил дождь. Сбитый асфальт потемнел, трещины заполнились водой, в лужах отражались перекошенные фонари и бесконечные леса, которые всегда можно видеть, если ехать по трассе между городами.

Под стертой и сбитой набок вывеской «ЗЕЛЕНАЯ ГОРА — 25 км» под накрененным зонтом стояла девушка. Она была одета не по погоде — мятые шорты, серый топ на спортивный лиф, кудрявые каштановые волосы собраны в высокий хвост. Пряди, которые избежали резинки, намокли и липли на лоб, щеки и шею. Не помогал даже цветастый зонт, под который девушка прятала скорее огромный походный рюкзак, чем себя.

Свободной рукой она держала уже промокшую карту, с ее сгиба вода текла ручьем. Туристка хмурилась, ее брови сдвинулись к переносице. Она так сосредоточилась, что не заметила, как напротив остановилась красная горбатая «хонда». Окно опустилось, из него высунулось загорелое лицо мужчины с горбатым носом.

— Эй, — позвал он, — заблудилась, красавица?

Девушка оторвалась от карты.

— Мне нужно в Зеленую Гору, — прокричала она сквозь дождь и пальцем указала на вывеску, — как можно быстрее. Пока еще не поздно.

Водитель махнул рукой.

— Запрыгивай, подвезу, все равно по дороге. Я у них всегда останавливаюсь в «Молочном пузыре», — он засмеялся. — Почти пятьдесят лет дядьке, а он молочные коктейли распивает... Но там такие коктейли, если бы ты только попробовала! Ну чего стоишь? — Он распахнул дверцу. — Боишься, что ли? Да забирайся! Зачем тебе мокнуть? Слушай, — добавил он серьезно, сквозь ливень голос казался хриплым, — я уже не в том возрасте, чтобы к девушкам приставать. Забирайся. Или пешком пойдешь.

Туристка убрала карту в сумку и залезла в машину.

Ни она, ни водитель не заметили, что из леса за ними наблюдал огромный черный волк. Кроны деревьев смыкались над ним, не пропуская даже скудного солнечного луча. Единственное, что светило во тьме, были желтые волчьи глаза. Волк провожал «хонду» взглядом и скалил на машину черные зубы.

Зеленая Гора вымирает

Именно к такому выводу приходишь, ознакомившись с цифрами. Только за последние четыре года город покинули почти 40 тысяч человек. Согласно опросу местной администрации, проведенному в 2014 году, среди причин лидирует неспокойная криминальная обстановка.

Число без вести пропавших превышает средний уровень по России в три раза. При этом работой местной полиции удовлетворены менее трети населения. Более половины считают, что смена руководства в правоохранительных органах сможет решить проблему. Более двадцати процентов согласны подписать петицию.

Несмотря на удручающую картину, за последние годы серьезных подвижек в решении данного вопроса не происходило. Городу остается только ждать и надеяться, что кто-то изменит ситуацию в лучшую сторону.

Невротик. Специально для «Пещеры Зеленой Горы».

— Ух! — присвистнул водитель. — Такое чувство, что ливень нас преследует.

Лобовое стекло застилала вода, «хонда» не ехала, а плыла. Дома, деревья и проезжающие машины превратились в цветастые пятна. В салоне стало зябко, водитель включил печку:

— Не боишься в такую погоду на машине?

Девушка поправила огромный рюкзак на коленях и покачала головой.

— Мне нужно добраться как можно быстрее. Это вопрос жизни и смерти. — Она сощурилась и всмотрелась в пейзаж за окном. Машина была уже на подъезде к городу — впереди появились первые высотки и рекламные плакаты.

— М-да, — пробормотал водитель, — красивый городок. Приятно в нем чайку попить или тот же коктейль, — он засмеялся, — только жить в нем я бы ни за какие деньги не стал.

Девушка посмотрела на него с интересом.

— Злой он какой-то, — продолжал водитель. — Статистика преступлений — во! — он показал большой палец. — Бьет все рекорды по области. Люди пропадают. Полиция с ног сбивается, а найти ничего не могут — я-то знаю, у меня там племянник двоюродный работал, ушел в прошлом году. Так и не поняли: то ли какой-то маньяк, то ли целая группа. А может, вообще инопланетяне.

Девушка не отреагировала.

— Ну да, — рассмеялся водитель, — я это к слову. Но вещи тут, конечно, творятся странные. Реальность, мистика — поди разбери. Лет десять назад поймали школьников. Совсем еще дети, класс девятый-десятый. Так вот эти детишки организовали в подвале секту и своих же друзей резали. Буквально убивали детишек. Что за люди должны быть, чтобы такое делать?

Девушка снова уставилась в окно.

— Ведьмы, — пробормотала она.

— Ага, точно: про ведьм тут многие говорят, — продолжал водитель. — Говорят, в пещерах живут и с людьми, как с куклами, играют. Сказки, конечно. Городок-то, конечно,

красивый. Да, красивый... Один парк чего стоит. А заповедник на северо-востоке! Гора эта Зеленая, пещеры. Меня туда племянник водил — красота! Если бы еще бутылки из-под пива не валялись. Да, любят детишки красоту испортить.

Машина переехала через мост и оказалась на центральной площади. Дома здесь были в основном кирпичными и невысокими — до пяти этажей. Выделялось только современного вида здание справа: круглое, со сферической крышей, обшитое синим пластиком. Девушка ткнула в него пальцем.

— Что там? — спросила она, затаив дыхание.

Водитель притормозил и взгляделся сквозь пелену дождя.

— «Поплавок», кажется, — махнул он рукой, — местный торговый центр. В дождь, и правда, на поплавок похож, да?

Туристка повернулась к нему.

— Здесь Мало, — сказала она.

Водитель оглянулся:

— А?.. Чего мало?

— Я о своем, — она опустила глаза и тихо продолжила: — Мне нужно найти одного человека, девочку. — Туристка пошарила в кармане рюкзака, достала бумажку и, сощурившись, прочитала: — Макарова Екатерина Викторовна. Вы ее знаете?

— Я здесь никого почти не знаю, красавица, — усмехнулся водитель, — может быть, назовешь адрес?

Она покачала головой.

— Мне нужно найти ее как можно быстрее. Это очень важно. — Туристка посмотрела на водителя с мольбой. — Вы даже не представляете, как важно.

Он вздохнул и свернул на щербатую боковую дорогу.

— Ладно, девочка, говоришь? Высажу тебя у гимназии. Детишки, небось, все друг друга знают. Даже если не из этой школы, все равно помогут. Раз уж вопрос жизни и смерти... — он усмехнулся.

Машина остановилась на школьном дворе, водитель открыл дверцу:

— У учителей спросить не забудь.

Как раз в эту минуту двое школьников, высокий парень и девчонка, садились в такси. Лил дождь, они насквозь промокли, но продолжали о чем-то болтать: он говорил, что из-за ливня игру отменят, она — что у них, наконец, будет время заняться действительно важными делами.

Туристка не обратила на них внимания. Вышла из машины, раскрыла цветастый зонт и уже собиралась захлопнуть дверцу, когда водитель спросил:

— Слушай, а зачем ты ее ищешь? Эту, как ее, Катерину?

Туристка наклонилась к нему и доверительно шепнула:

— Она избрана, чтобы бороться с великим злом.

— А-а-а, ну если так! Ну, удачи. — Водитель помахал рукой, дал задний ход и вывел машину из школьного двора. Покачал головой и пробормотал под нос: — Ох, сколько раз жена моя говорила, а я не слушал: все красивые бабы сумасшедшие.

В такси было тепло и сухо. Катя откинулась на заднее сиденье и позволила себе расслабиться. Тяжелый день в школе позади. Впереди ее ждет спокойный вечер с Гошей. А потом она отоспится и забудет обо всех странностях.

Сквозь пелену дождя она заметила силуэт девушки. Силуэт расплывался, но Катя хорошо видела зонт, с которого текло водопадом, и огромный рюкзак, который девушка каким-то чудом удерживала на своих хрупких плечах.

— Как думаешь, что она здесь делает? — зевая, пробормотала она. Гоша проследил за ее взглядом и пожал плечами.

— Наверное, заблудилась. Не вижу других причин, чтобы приезжать в наш город. Но Катя уже не слышала. Она откинулась на спинку сиденья и провалилась в сон.

Все было мертвым.

Все было черным.

Катя сделала шаг. Темнота оказалась плотной, упругой, как вода. Катя могла чувствовать ее шевеление. Как рыбы. Кажется, так делают рыбы. Они проходили это в школе. В другом, *живом*, мире. Был урок биологии, окно, как всегда в апреле, нараспашку, оттуда тянет улицей, и ждешь, когда урок закончится. Но старенькая Марина Федоровна все говорит и говорит. Она говорит о рыбах, и ее рот открывается, как у рыб.

Она говорит, что у рыб есть боковая линия — орган, с помощью которого они чувствуют колебания воды.

Она говорит, и всем скучно. Гоша перелистывает страницу и набрасывает корявую фигурку. Подписывает внизу и показывает: человек-карась. Способность: чувствовать колебания. В конце концов, он «заколебывается» и превращается в акулу. У Гоши хорошие идеи, но с рисованием проблемы, и Катя подписывает снизу: «Больше похоже на человека-плохой-рисунок-с-раздутым-правым-глазом».

Катя — плохой рисунок. Или рыба. Здесь в общем-то не- важно. Важно, что она может чувствовать темноту. А темнота — темнота называется Мало — чувствует ее.

И хочет растворить.

Катя сделала еще шаг. В правой ладони она сжимала рукоять кинжала. Сама рукоять была холодной, и от нее по телу тянулась холодная нить. Она оплетала каждый сосуд и помогала удерживаться в мертвом, чужом мире.

Еще шаг.

«Не отпускай рукоять, — сказала себе Катя, — если отпустишь — умрешь».

Она опустила взгляд. Кинжал было видно даже сквозь темноту. Черная сверкающая рукоять... отчего она сверкала, если не было света? Материал напоминал обсидиан. Но это точно был не он. Что-то другое. Знакомое и страшное. Катя не могла вспомнить, понимала только, что нужно держаться за него.

Лезвие слишком белое для стали, слишком металлическое для кости. Оно было изогнуто волной, волна словно продолжалась в гарде... откуда Катя знала, что эта часть называется гардой? Острие кинжала переходило в шип, и весь он в целом напоминал то ли хвост дракона, то ли ногу балерины.

Он был легким, мягко лежал в руке, и самое главное...

Он был ее.

— Был, — повторил чей-то хриплый голос, разорвав тишину, — теперь наш. И ты никогда, никогда не вернешь его.

— Но он уже у меня в руке, — отозвалась Катя, глупо озираясь по сторонам.

— Только его образ, — поправил другой голос, смеющийся, — ты ведь спишь, дитя.

— Можно подумать, я не знаю, — Катя почувствовала себя очень глупо. В своем собственном сне. Наверное, что-то не так с ее самооценкой.

— В любом случае, — медленно протянул хриплый голос, — сделка завершена. Десять лет миновало, и теперь *они* тебя чувствуют.

Катя огляделась, но никого не увидела. Ей стоило испугаться, но она не могла. В этом месте даже чувства умирают.

— Кто — они?

Голоса засмеялись.

— Конечно же, демоны, моя дорогая, — отозвался мягкий, молодой, — и тени. Они уже идут за тобой. Друг за другом, вереницей, как крысы из сказки.

Катя вспомнила про желтые глаза и черные клыки.

— Крысы из сказки в конце концов сдохли, — бросила она в пустоту.

— Как и дети, — отозвался смеющийся голос.

Катя почувствовала, как натянулась идущая от кинжала нить.

— Кто вы? — она старалась заметить хоть кого-нибудь, но вокруг была только чернота. Плотная, непреодолимая чернота.

— Так ли важно? — спросил хриплый голос. — Даже если мы назовемся, ты все забудешь. Ты никогда не запоминаешь снов. Ты и так задержалась, дитя. Проснись.

— Проснись! — эхом отозвался Гоша. Он тряхнул Катю за плечо. Она открыла глаза и огляделась. В салоне такси пахло елкой, и Катя сморщилась от знакомого отдающего нафталином запаха. Эти освежители до сих пор делают?

Гоша перед ее расплывающимся взглядом хмурился.

— Ведьмы? — переспросил он. — Тени? Ты опять смотрела ужастики?

Катя сморщилась.

— Я говорила во сне?

Он кивнул.

— Так что тебе снилось?

— Откуда я знаю, — пробормотала она, растирая лоб, — я никогда их не запоминаю.

* * *

Одной рукой Катя держала пузатую бутылку колы, другой обнимала пачку чипсов и попкорна. Пальцами она умудрилась захватить пакет конфет, а в зубах держала упаковку кексов. В такие моменты она любила дождливые дни: Гоша собирался играть в футбол на школьном стадионе, и ей пришлось бы сидеть на мокрой, холодной трибуне, делать вид, что футбол — жутко интересное занятие, а самой украдкой смотреть в телефоне что-нибудь из Тарантино.

Но ливень был такой сильный, что они насквозь промокли, пока добрались до ее дома.

Ни о каком футболе не могло быть и речи. Вместо этого кино и несколько раундов, по настоянию Гоши, в одной из этих жутких игр, где приставка приказывает повторять движения, и ты не то танцуешь, не то корчишься в конвульсиях.

— Где ты? — закричал Гоша из зала. — Я уже выбрал песню.

— Если это что-то из «Братьев Блюз», клянусь, я убью тебя! — крикнула в ответ Катя. Пакет с кексами выпал изо рта, и ей пришлось поднимать его с пола.

— Тогда захвати нож.

Катя добралась до гостиной, бросила добычу на большой коричневый диван и упала рядом.

— Ты же знаешь, я ненавижу эти «джазовые ручки». — Она показала растопыренные пальцы, скорчив гримасу. Гоша пожал плечами.

— Готова? Я на... — Он остановился. — Что с тобой?

Катя побледнела. То есть она всегда была бледной, но на этот раз побила собственные рекорды. Гоша пощелкал пальцами.

— Эй, что с тобой?

Катя зажмурилась, открыла глаза и побледнела еще больше.

— Ты это видишь? — Она, не мигая, смотрела через его плечо, на стену в коридоре. Гоша сглотнул и заставил себя повернуться.

— Черт, Макарова, — он выдохнул, — вижу стену. Если не хотела играть, так бы сразу и сказала.

Он услышал, как Катя тяжело выдохнула за его спиной:

— А я и говорила.

* * *

Катя никогда всерьез не задумывалась, что начнет видеть на стенах тень волка. Но если бы задумалась, решила бы, что ее это как минимум удивит.

Волк появился прямо в квартире. Тень на стене с желтыми глазами. Она не могла перепутать. Или могла?

И что сделала Катя? Убежала? Испугалась? Немного, сначала. А потом просто стала играть с Гошей и после двух раундов обо всем забыла.

Заставила себя забыть.

Только когда Гоша ушел, когда Катя насыпала кофе из коричневой бумажной упаковки, залила кипятком, села за стол, обхватив чашку руками, только тогда она начала понимать.

Происходит какое-то дерьмо.

И она не может больше делать вид, что ничего не замечает.

Сколько она просидела так? Очнулась перед остывшей кружкой, когда домой вернулась мама. Значит, очень и очень долго.

В коридоре зазвенели ключи, в зеркале Катя увидела подтянутую мамину фигуру без головы: верх зеркала закрывала вешалка. Мама стянула синее пальто, осталась в брючном костюме, поправила блузу с жабо — мама всегда умела одеваться. Умела носить каблуки,

умела быть леди — «бизнес» и просто. Всегда и во всем была немного лучше, чем Катя.

И всегда была занята.

— Еще не спишь? — спросила она с порога кухни. Мешки под глазами были тщательно замаскированы скатавшейся пудрой. Маме было сорок пять, люди давали меньше. Она выглядела по-взрослому красивой: большие выразительные глаза, смуглая кожа, высокие скулы. Кате от нее ничего не передалось, только волосы и манера смеяться. Но так считали мамини подруги, а сама Катя сходства не видела. — Почему везде горит свет?

— Чтобы не было теней, — будто в бреду проговорила Катя. Она прикрыла глаза и заставила себя успокоиться. Даже если произошло что-то действительно странное, она не хотела говорить маме.

Мама посмотрела с пониманием.

— Пэт, ты опять смотрела ужастики?

Катя вздрогнула: «пэт» по-английски — питомец. Когда-то ее так называл папа. Это было их слово. Его и Катино, и больше ничье. Папе — папе, каким она его помнила с детства, — она могла бы рассказать. Он был большим и сильным и умел прогонять ее кошмары.

Мама принялась возиться с кофеваркой. По кухне поплыл терпкий аромат кофе. Катя пожала плечами.

— Выглядишь помятой, у тебя температура?

— Если бы. — Катя подняла взгляд на маму. — Я говорила, что школа однажды меня прикончит?

— Каждый божий день, — усмехнулась та.

— Вот именно! — Катя поднялась, вылила остывший кофе в раковину и поставила чашку в посудомойку. — И все равно ты меня никогда не слушаешь. Спокойной ночи, — пробормотала она, зевнув. Спать, и правда, захотелось.

А себе сказала: ты уже не маленькая. Тебе почти семнадцать. Глупо бояться монстров под кроватью.

Они всегда ждут где-то в других местах.

Глава 3

Монстры

Наутро дождь прекратился. Катя решила встать пораньше и добраться до гимназии пешком. Ночью она много думала, долго не могла уснуть, вертелась, но, как ни странно, под утро почувствовала себя отдохнувшей. Мысли о вчерашнем прошли, как болезнь.

«Может, мне все привиделось, — думала она, завязывая кеды, — и даже если нет, наверняка сегодня ничего странного не случится». Потому что это нормально. Странности на то и странности, что не продолжают долго.

Катя подхватила рюкзак, нацепила наушники и, спустившись на улицу, побрела вдоль шоссе.

Теперь ей казалось, что тень волка была ненастоящей. Да и, если подумать, вряд ли тень — тем более что ее, конечно же, не существует — представляет угрозу. Допустим, она есть. Ходила за Катей весь день, а может, и дольше. И что? Разве за это время что-то случилось?

Что тень вообще может сделать? Испортить загар?

В наушниках играло что-то из старого.

Так или иначе, я найду тебя.

Я заполучу, заполучу, заполучу тебя.

Переключать было лень, так что пришлось смириться. Катя уже перешла через мост на правый берег, бросила взгляд на «Поплавок». «Поплавок» торчал на главной площади, как уродливая голубая галька. Катя свернула во дворы, где доживали свой век кирпичные пятиэтажки. Мама, чей офис находился в новеньком деловом районе, любила говорить, что пахнет это старье так же, как и весь местный бизнес.

Катя пожимала плечами. Ей эти дворы нравились. Было в них что-то приятное. Не запах канализации, конечно. А темные глубокие арки, разрисованные красками из баллончиков, детские площадки с такими высокими деревьями, что их макушки поднимаются над крышами, даже припаркованные старые автомобили, как будто эти дворы — большие машины времени.

Катя скользнула в арку. В наушниках продолжали кричать:

Так или иначе,

Так или иначе...

Пока никто не видел, Катя покачала в такт головой. Открыла глаза — и замерла.

Шаг назад.

Сделать вдох. Вдох пришлось делать через силу. С кирпичной стены смотрела густая волчья тень. И теперь это точно не могла быть тень от тюля.

Катя сделала шаг назад.

Это не может быть игрой воображения. А вдруг может?.. Нет, нет, наверняка игра. Катя зажмурилась. Просто вчера ударилась головой и теперь — временно, только временно! — ей мерещится. Это скоро пройдет. Завтра, послезавтра...

Волк сделал шаг вперед. Катя отступила. Она лихорадочно огляделась. Никого! Тень сделала еще шаг. Его движения показались Кате странными. Помимо того, что вообще все было странно.

Она заставила себя глубоко вдохнуть: как там она рассуждала десять минут назад? Всего лишь тень? В списке вещей, которых действительно стоит бояться, тень не входит даже в первую сотню...

Почему тогда в горле стало сухо?

Еще шаг.

Еще шаг назад.

Мысли бегали лихорадочно. Тень. Волк. Хищник. Никаких резких движений. Не поворачиваться спиной.

Волк медленно шел на нее, на мгновение замирал. Тень мохнатого хвоста мерно раскачивалась, уши были высоко подняты, поворачивались в разные стороны. В каждом движении чувствовалась готовность прыгнуть.

Катя никак не могла понять, почему движения волка кажутся такими неестественными. Медленно, медленно назад.

Волк сделал еще шаг, и тут она поняла.

Когда ей было пять, она откопала у мамы папку с необычными листами бумаги. На них были волны, пятна или повторяющиеся узоры. Мама сказала, это специальная бумага, и, если посмотреть на нее особым зрением, фигуры обретут объем.

3D-картинки.

Катя тряхнула головой. Ей уже не казалось. Линии на кирпичной стене изогнулись, морда стала выпуклой. Как 3D-анимация.

Вот только это не была *специальная* картинка. Катя видела, как из стены проступают черные мощные клыки, сморщенный нос и лапы с когтями размером с ее указательный палец. Это был очень большой волк.

И он скалился.

Ему было сложно выходить из стены. Катя чувствовала, как мучительно он выбирается. Она могла убежать. Прямо сейчас. В любую секунду. Но сил хватило лишь на несколько шагов. Она видела его впалые бока и торчащие клочья шерсти. Различала всклокоченный загривок и сбитую в сосульки шерсть на животе. Острые уши медленно двигались. Желтые глаза следили за ней.

«Надо бежать», — подумала она.

— Не приближайся, — сказала вслух.

Когти волка клацали по земле, выцарапывая крошки асфальта.

Его дыхание наполняло замкнутое пространство под аркой.

Катя уткнулась спиной в стену. Это просто сон, да? Тот самый момент, когда просыпаешься и осознаешь, какие глупости снятся.

Мощная лапа вырвала кусок асфальта. Ком ударился о стену и раскололся.

А освободившийся волк стоял перед ней, скаля черные, как мазут, зубы. Каждый клык был размером с небольшое лезвие.

Катя начала отступать вдоль стены.

— Уходи, — прошептала она. Потом закричала: — Уходи! Убирайся! — и добавила почти шепотом: — Пожалуйста.

Почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Она слышала волчье дыхание и завывание ветра.

«Он съест меня, он точно съест. И ничто в целом мире не сможет меня спасти».

Волк скалил зубы, наступая. Согнул лапы, готовясь к прыжку.

Катя зажмурилась. Потому что больше не могла смотреть.

Она услышала гудок, открыла глаза: свет фар резанул темноту. Волк исчез, опал на землю, как лужа, и исчез. В арку вкатилась машина. Катя заметила водителя: тот отчаянно моргал, стараясь прогнать видение.

Если бы он только знал!

Если бы она сама понимала.

Оцепенение прошло, и Катя, не дожидаясь, пока машина проедет, побежала.

* * *

Она не помнила, как добралась до школы, не помнила, как приземлилась за парту, как с ней разговаривал Гоша. Катя сжалась, замкнулась в собственном мире: закрывала глаза и видела скалящуюся пасть. Страшно было даже моргать.

Но здесь, в школе,людно, здесь, в школе, волк не станет нападать.

С этим можно жить, ведь так?

Просто никогда не оставаться одной.

— Слушай, — сказала она Гоше, когда уроки кончились, — можно я у тебя переночую?

Гоша уставился на нее с недоверием.

— У меня? — переспросил он. — В двухкомнатной квартире с пятилетними близнецами, котом, собакой и тетей Леной из Питера? Кто ты такая и что сделала с моей подругой?

Катя пожала плечами. Сейчас компания была ей как раз кстати.

— Ладно. — Гоша поднял руки, на его футболке красовалась надпись: «Последняя чистая майка». — Только учти, у нас даже рыбки шумные.

Они вышли на крыльцо. Небо на севере затягивали тучи, воздух наполнился духотой.

— Скоро гроза, — указал на небо Гоша. — Выбирай: раскладушка или старый добрый спальник?

Катя не отвечала. Она уставилась на девушку-туристку. Ту самую, которую видела вчера в окно автомобиля. Вернее, на ее более уставшую и помятую версию. Скатанные в сосульки волосы, грязный топ, взгляд такой же, как у всех учеников после шестого урока. Но девушка бодрилась как могла. Она разговаривала с одноклассницей Кати — блондинистой Машей, и, кажется, та только что кивнула в их сторону.

Туристка улыбнулась, поправила лямки огромного рюкзака, который на вид весил больше, чем она сама, и двинулась прямо к Кате.

— Прошу прощения! — Она достала из кармана бумажку и прочитала: — Ты Макарова

Екатерина Викторовна, да? Твоего отца звали Виктор? Виктор Макаров?

Она взмахнула бумажкой, как будто это значило что-то невероятно важное, Катя отступила на шаг.

Она боялась волка — и это был свежий страх. Он приходил и уходил волнами. Страх вспоминать отца жил все время. И теперь поднялся из глубины души. Туристка ведь не могла просто так подойти и спросить — шутки ради. Связано ли это с тенью волка? С потерей памяти?

Отец ушел, когда ей было пять. Она помнила очень мало: какими холодными и шершавыми были у него руки, как он называл ее Пэт — от английского pet — питомец, как трепал по голове. И как нес ее в тот последний день из парка аттракционов — маленький комочек на его больших и сильных руках.

А потом ушел, оставил маме короткую записку, что-то вроде: извини, не могу больше.

Катя подняла взгляд на туристку. Та немного наклонилась и заглядывала ей прямо в глаза.

— Эм... да, — пробормотала Катя, стараясь собраться с мыслями и как-то связать их со словами, — Виктор. То есть да, мое отчество Викторовна, а фамилия Макарова. Логично, что так его и зовут. Вы... — Катя моргнула. — Вы знали моего отца?

— Лично не знала. Я... Ох. — Туристка убрала бумажку в карман, вытерла руку о штанину и протянула Кате: — Я Анна. Приехала сюда из Чехии, чтобы с тобой познакомиться.

— Катя, — зачем-то назвалась Катя. Она неловко ответила на рукопожатие.

— А я Гоша, — пробормотал Гоша под нос, — но это, очевидно, никого не волнует.

И он был прав, потому что ни Катя, ни Анна больше не обращали на него никакого внимания.

«Туристка из Чехии, — подумала Катя, — знала моего отца. Не лично. Волк». Она зажмурилась. Анна смотрела на нее с прищуром.

— Ты маленькая, — хмуро пробормотала она, — и щуплая. — Она потянула руку, будто собиралась пощупать бицепс. Катя отступила и уставилась со смесью недоверия и любопытства.

— По крайней мере реакция неплохая, — выдохнула Анна. — Я бы хотела поговорить с тобой, — она наконец заметила Гошу, но ее взгляд ничего хорошего не выражал, — наедине.

— Ну да, — усмехнулся тот, — могли бы еще конфетку прихватить для убедительности. Без обид, — пожал он плечами, — но все это похоже на дурацкое начало второсортного фантастического фильма. Или фильма про маньяков, — добавил Гоша, немного подумав.

Катя нахмурилась. Все, если разобраться, выглядело странно. Вот только разобраться не было времени. Будь у нее шанс подумать, будь она сильнее, хладнокровнее или умнее, она, наверное, сообразила бы, что к чему. А пока ряд событий не укладывался в голове. Хотя все они были связаны. Кажется...

Анна наверняка что-то знала. И... ну, она была не такой уж опасной на вид, пусть и тащила на плечах огромный рюкзак.

Больше всего хотелось отказаться, добраться до дома и спрятаться под одеяло, зарыться в

темноту и больше никогда-никогда не возвращаться в реальность.

Вот только черный волк может ждать и там.

Это как в компьютерных играх, когда нужно что-то сделать, пока не истекло время. Пока таймер в верхнем углу экрана не досчитал до нуля. После этого волк выпрыгивает из стены, разрывает тебя на части, а тебе предлагают переиграть.

Но в жизни есть всего одна попытка.

Катя сделала глубокий вдох и кивнула. Гоша схватил ее за руку, но она вывернулась.

— Все в порядке, я позвоню тебе, ладно?

Глава 4

Демоны

Гимназия имени Кузнецова заметно отличалась от большинства школ. Не отличными учителями, конечно, и не качеством образования, как бы ни пытался убеждать директор. Но она была платной и хотя бы внешне не напоминала выкрашенную подъездной краской коробку.

Это было четырехэтажное кирпичное здание П-образной формы с небольшими окнами. Летом окна заменили на пластиковые стеклопакеты, что смотрелось бы хорошо, если бы строители позаботились убрать пленку. А сейчас на белых рамах пестрели мелкие синие надписи.

Катя зажмурилась.

Она каждый день видела эти окна, но, кажется, только сейчас обратила на них внимание. Она, наверное, любовалась бы даже узорами на листьях, лишь бы не напрягать голову над действительно важными вопросами.

Что это за девушка — Анна?

Куда она идет?

И, самое главное, какого черта Катя идет за ней?

Они завернули за угол и пошли вдоль правого крыла. Рядом находилась детская площадка. Малыши носились между качелями, гонялись друг за другом и наперебой кричали. Сначала звуки сливались в неразличимый шум, но, когда они подошли ближе, Катя слышала.

...когда свет лишится власти.

Тень порвет тебя на части.

Катя моргнула. В следующий миг малыши снова носились друг за другом, хлопая в ладоши и крича: «Сюда! Сюда!» Судя по всему, играли они в какую-то разновидность салочек.

Катя подняла глаза к небу, тучи с севера приближались. Она поежилась от холода — скоро начнется гроза. Анна поправила тяжелый рюкзак.

— Тебе кто-нибудь рассказывал про охотников? — спросила она низким, гулким голосом.

Катя нахмурилась.

— Люди, которые стреляют в уток? — пробормотала она, провожая детей взглядом. — Вы ведь не этих охотников имеете в виду?

Они опять завернули за угол, прошли по стоптанной, грязной после вчерашнего дождя тропинке и остановились у стены Че Гевары.

Стена осталась еще с советских времен, когда на территории школы хотели сделать пристройку — закрытое поле для игры в футбол и баскетбол. Денег хватило только на внешнюю коробку. Потом проект заморозили, а коробка осталась стоять. В девяностые кто-то заложил взрывчатку, и от коробки осталось полторы стены. В две тысячи седьмом на стене нарисовали портрет Че Гевары. С тех пор место так и называлось. Старшие

облюбовали его для грязных делишек: списывали, курили, продавали ответы на контрольные, с недавних пор — спасибо Вятскому и его друзьям — принялись приторговывать травкой.

Лапы елей и ветви тополей на заднем дворе сплетались в причудливую сеть. Катя невольно отшатнулась — на секунду ей вдруг показалось, что лапы тянутся к ней.

«Успокойся, — сказала она себе, — волк не придет». Крики детей до сих пор отзывались в голове: *когда свет лишится власти...*

Анна огляделась, опустила рюкзак и отерла лоб тыльной стороной ладони.

— Кажется, здесь никого.

Катя кивнула. Она надеялась, что это действительно так.

— Про каких охотников вы говорили?

Анна поджала губы и склонила голову.

— Твой отец ничего тебе не рассказывал, верно? — Она посмотрела на небо, сложив козырьком ладонь. — С севера идут тучи. Скоро они будут здесь, и начнется дождь. Видишь? — она указала на тяжелую, почти черную громаду. Воздух под ней рябил. Катя даже почувствовала запах влаги.

— Отец ушел, когда мне было пять, — сказала она зачем-то и поджала губы. Молодец, Макарова! Давай рассказывай о себе незнакомым людям. Что дальше? Назовешь пароль от карты?

Она бы и дальше злилась, но наткнулась на тяжелый взгляд Анны, и ей перехотелось. Анна опустила руку в карман, достала пачку сигарет и зажигалку.

— Не против? — Она не дождалась ответа и, хотя Катя была против, подожгла сигарету и затянулась. — Когда тебе было пять, — уточнила она, — твой отец умер. Его убил демон.

Катя уставилась на дым, выплывавший изо рта ее новой знакомой. Подумала, что дым должен выходить колечками.

— Круто, — Катя не отрывала от него взгляда, — я, пожалуй, пойду, ладно?

А сама подумала: «Ну точно! Теперь все сходится». Ее преследовал волк, а странная девушка уверяла, что знала ее отца (не лично, конечно). Катя-то, дура, все гадала, как это увязывается в одну историю. Оказывается, ответ прост — демон!

Она издала нервный смешок.

Демон!

Развернулась и пошла прочь, но голос Анны — удивительно низкий — заставил ее остановиться.

— Ты охотник, — сказала она, — не тот, который стреляет в уток. Тот, который спасает жизни. Твой отец спасал.

Катя остановилась и обернулась. Руки сжались в кулаки, и она сказала, наверное, самую глупую вещь, которую только могла:

— Мой отец даже свою семью не...

Она вдруг осеклась. Может, ей только показалось. Да, наверняка, только показалось, но...

Тень промелькнула на стене.

Катя моргнула. И почему-то идея уходить от Анны — пусть даже сумасшедшей Анны, которая говорила о демонах и охотниках и от которой до тошноты воняло табаком, —

показалась не такой уж хорошей. Поэтому Катя шагнула к ней ближе.

— Спасал жизни? — повторила она глупо. — Чьи? От кого?

— От демонов, — Анна сделала еще затыг, — от теней. Посмотри на меня, и я попробую рассказать то, что знаю.

Катя посмотрела. В глазах Анны было что-то такое, чего не бывает в глазах человека. Катя не могла бы объяснить. Она просто чувствовала.

— Давным-давно, — Анна говорила и выдыхала дым, — были люди и были тени. Тени приходили по ночам, убивали людей или превращали в демонов, и никто: ни шаманы, ни воины — не могли их остановить. Люди жгли костры и молились богам, но тени приходили и забирали одного за другим, — Анна стряхнула пепел, Катя смотрела на падающие крошки и глупо повторяла про себя: одного за другим.

— Однажды самые сильные мужчины пришли к черному дереву Мало и сказали: мы хотим сражаться. Они попросили: дай нам силу. Они не ели и не пили три дня, стояли на коленях и молились. И на третий день, когда они вернулись в племя, они стали сильнее, проворнее, их раны затягивались на глазах, и, самое важное, теперь они могли убивать тени. Так появились охотники, — она посмотрела на небо. — Скоро пойдет дождь. Уже скоро.

Катя словно очнулась. Почему-то слова казались знакомыми. Ливень был уже так близко, что Катя слышала глухой стук капель — стук сливался в сплошной мельтешащий звук. Нужно было спастись.

Катя сама не понимала: о дожде это или о чем-то другом.

— Твой отец — потомок охотников, — продолжала Анна, — а ты его наследница. Теперь его сила принадлежит тебе.

— Если это не умение одновременно смотреть сериал и читать книгу, то вряд ли, — Катя попыталась усмехнуться, но получилась нервная гримаса, — я хочу сказать, что не чувствую никакой силы.

Вместо ответа Анна кивнула на ее руки. Катя опустила взгляд: белые полосы шрамов были уже почти не видны.

— Сколько этим шрамам? Готова спорить, не больше двух дней, — Анна еще раз затынулась, — у других людей были бы ссадины. Твоя сила с тобой. Ей нужно время.

«Только его нет», — почему-то подумала Катя. Стена дождя была уже в нескольких десятках метров. Катя видела, как капли бьют листья и мокрые ветки опускаются под тяжестью воды.

Она не верила Анне. Конечно, не верила. Нужно быть полным идиотом, чтобы поверить. Нужно быть как минимум сумасшедшим и видеть на стенах тени волков...

— Ладно, допустим, — Катя запустила руку в волосы. — Я могу от нее избавиться?

Анна сделала последний затыг, бросила окуроч в один из трех зеленых мусорных баков. Тот, на котором фиолетовой краской кто-то написал: «ОСТАВЬ ОТБРОСЫ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ».

— Я думала, маленькие девочки мечтают о суперсиле, — она подняла глаза к небу.

Катя сложила руки под грудь. Все холоднее и холоднее...

— Мечтают, — пробормотала она, — ровно до того момента, пока это не происходит на самом деле. Надо уходить, сейчас польет, а тут негде спрятаться.

Анна потянулась к рюкзаку.

— Сам дождь не важен, — она принялась развязывать веревки.

Волк медленно выступал из тени вместе с дождем. Катя его не видела. Она смотрела только на Анну — как та склонилась над рюкзаком и одну за другой расстегивала заклепки.

— Важно то, что дождь приходит с тучами, — говорила Анна, стягивая очередной узел. — И сейчас туч как раз достаточно, чтобы появились тени.

Волк пригнулся, согнул лапы и оскалился.

— Тени? — Катя сглотнула и сделала шаг к Анне. Она готова была поклясться, что чувствует взгляд зверя за спиной. Она просто не могла заставить себя оглянуться. — Вроде тени огромного волка?

Анна наконец расстегнула последнюю заклепку и запустила руку в рюкзак.

— Вроде того.

Ударил гром, и волк прыгнул.

Глава 5

Хору

Катю ударило слева.

На нее обрушился шум. А потом реальность вернулась.

Катя не знала, сколько прошло времени, вероятно, пара мгновений. Она пятилась, толкалась руками, отбрыкивалась, помогая всем телом. Дождь заливал глаза, нос, уши, дождь был везде: бетон мокрый, пальцы скользят и хватаются за сорняки...

Что-то вцепилось в бедро. Мир сжался до боли. Была боль. Больше ничего. Катя дернулась, но освободиться не получалось.

«Ты должна вырваться».

Катя вздрогнула: голос звучал в ее голове, но не принадлежал ей. Это был мужской, басовитый, немного рычащий голос. И он заглушал боль. Откуда он?

Неважно. Катя зажмурилась.

«Вытяни ногу, — продолжал голос, — будет больно, но все равно тяни». Катя вдохнула и дернула что было сил. Боль резанула так, что глаза застелило красным. Спустя миг стало легче. Катя пришла в сознание и услышала крик. Еще через миг поняла, что кричит сама.

«Отползай!» — командовал голос. Катя попятилась, сдвигая ладони. Она ползла и ползла, захлебываясь дождем. Как это могло произойти? С ней?! С девочкой, самое большое приключение которой — поездка в Лондон?

Катя стукнулась обо что-то затылком. Удар привел ее в чувство, и она поняла, что боли почти не осталось. Она едва могла шевелить ногой, возможно, нервы разорваны. Но главное сейчас — чтобы не вернулась боль.

«Сосредоточься, — сказал голос, — тебе нужно собраться».

Катя сфокусировала взгляд.

Перед ней маячило нечто. Сначала Катя подумала: волк. Но тень была другой. Напоминала человека, только лапы длиннее, когти вместо пальцев, каждый размером с медвежий, по четыре штуки на лапе.

Катя сама удивилась, что успела столько рассмотреть. На миг ей показалось, что время движется медленнее, что она знает, что делать...

А потом существо замахнулось.

Катя оттолкнулась что было сил. Коготь врезался в железный бак и распорол металл. Звук скрежета влился в шум ливня. Катя отползла еще немного, бросила короткий взгляд на бедро, кровь из раны стекала вместе с водой. Она огляделась. Анна? Где Анна?

Открыла рот, чтобы позвать, но получилось только сплюнуть воду. Как она должна сражаться с этой тварью?!

Тень все возилась возле бака. И Катя поняла, что та не может освободить застрявшие когти. Она нервно хохотнула: так ей и надо!

Дождь заливал глаза, уши, нос, бил по бетону. Адреналин рассосался — и стало страшно. Катя смотрела на розовую от крови воду и думала: неужели все?

Тень рванула изо всех сил и освободилась. Коготь остался в баке. Но у твари оставалось еще семь, чтобы убить ее. И как ей спастись?

«Ты охотник, — сказал голос в голове, — у тебя есть сила, так воспользуйся ею».

Катя попыталась встать, но не могла пошевелить ногой. Она отползла, зажмурилась. Подумала про себя: воспользуйся!.. Как она должна была?..

И вдруг почувствовала.

Мысль остыла. Будто раскаленное до предела сознание опустили в холодную воду. Раньше мешали жар, страх и свет. Теперь Катя была в темноте. Темнота, прохладная и спокойная, обволакивала. словно говорила: не спеши. Потому что мы справимся.

Лапа ударила справа. На этот раз Катя знала, как уклониться. Знала когда. Так чтобы тень открылась и выключилась на пару секунд. Как механизм со сбоем в программе. Нога болела, но уже не так сильно. Катя чувствовала, что кровь свернулась, вода больше не вымывает ее, рана начала затягиваться. Способность к восстановлению граничит с магией. Нет, магия и есть.

Катя отползла к баку. Теперь она на уровне инстинкта знала, что делать. Тень — длинная, неуклюжая, путающаяся в конечностях, желейная, словно сделанная из мазута, вонючая, как гнилая тряпка, — была никем. Мусором. Паразитом, от которого нужно избавляться.

Нужно только оружие.

Катя ухватила за застрявший в баке коготь, приподняла и выдернула его из металла. Отползла и прижалась к баку спиной. Теперь выждать момент. Не испугаться...

Тень, раскачиваясь, шла на нее. Несмотря на ледяной дождь, Кате стало жарко, ее почти лихорадило. Запах гнили разъедал все вокруг. Шаг, еще шаг, лапы тени неуклюже тянулись к ней. Катя сосредоточилась. Она знала, что простым оружием тень не убить. Только тем, что есть у нее.

Это было странно. Все равно что взять скакалку и вдруг понять, что умеешь прыгать, или поехать с первого раза на велосипеде, — а с велосипедами у Кати было не очень, — или с первого шага почувствовать пластику танца.

Она просто *могла*.

Закрывать глаза, толкнуть силу в коготь, прислушаться и затаить дыхание...

Катя бросилась вперед и что было силы ударила тень в грудь. Запах гнили усилился, что-то колыхнулось... Катя потеряла равновесие и упала на изъеденный трещинами бетон. Под ней оказалось что-то твердое. Оно упиралось в живот и мешало дышать. Катя перевернулось на бок, опустила взгляд. На бетоне остались только черные когти. Больше ничего не было.

* * *

Усталость навалилась разом. Плюс ко всему ноющая боль в бедре. Тем не менее Катя заставила себя подняться.

Чем бы случившееся ни было, оно еще не закончено. Где волк? И где Анна?

Катя огляделась. Она уловила движение где-то вдалеке, со стороны леса. Услышала

выкрики Анны, рычание...

Миг — и увидела сквозь пелену силуэты.

Катя едва успела отскочить — мусорный бак пролетел в нескольких сантиметрах от ее макушки и врезался прямо в подбородок команданте. Два других бака грохнулись на землю, мусор разлетелся по площадке.

На секунду Катя потерялась. А когда смогла сосредоточиться, увидела, что Анна лежит на бетоне, придавленная за плечи огромными волчьими лапами. Волк скалит пасть и тянется к ее шее. Анна едва отбивается, пытается оттолкнуть его, но не может.

Шерсть волка прилипла к телу, и было отчетливо видно, как тяжело он дышит.

Прежде чем смогла сообразить, Катя бросилась на него и сбила плечом. Волк потерял равновесие, рухнул на бок, Катя на него. Она вдруг поняла, что у нее нет оружия и что ему ничего не стоит сбросить ее и растерзать. Надежда оставалась только на Анну.

Катя обернулась и вздрогнула.

У Анны была черная рука. И не только. Черный извилистый узор оплетал ее тело, едва поблескивая. Черная волна прошла по лицу, пробежала по правой ноге, по левой руке и ключице...

«Волк заразил ее», — подумала Катя. Но Анна не выглядела ни удивленной, ни расстроенной.

Она выглядела естественной. Более естественной, чем была раньше.

Катя сглотнула. Она перевела взгляд на рюкзак и заметила, что его края впитали черную маслянистую жижу.

А голос, который спас ее, не принадлежал женщине.

Что-то не сходилось.

«Слезь с меня».

Катя опустила взгляд и увидела желтый глаз волка.

«Слезь», — повторил он. Голос подходил волку идеально. Это был его голос. Волк спас ее. И если он спасал, то Анна...

Черная лапа ударила справа. Катя рухнула на бетон, перекатилась и расцарапала щеку о торчащую щепку. В ухе зазвенело. Мысли путались.

Все это время она боялась волка, но бояться надо было Анну. Катя вспомнила те несколько мгновений, которые выпали из памяти. Момент, когда начался дождь и что-то повалило ее на землю. Что-то черное. Катя подумала, это был волк. Но это оказалась другая тень. И она вылезла из рюкзака Анны.

Столько всего произошло.

Столько всего было непонятно.

Катя просто не знала, как быть дальше.

«Встань и сражайся», — сказал волк у нее в голове.

Сквозь пелену дождя Катя видела, что он метнулся к Анне, отбросил ее, придавил лапами, но она сумела вывернуться. Анна была сильной. Она была сильнее обычного человека. Он тоже.

Катя покачала головой.

«Зачем? — подумала она, не желая вставать. Откуда-то она знала, что волк ее слышит. — Я этого не хотела».

«И я не хотел, — резким тоном ответил волк. Анна накинута на него, на черной руке

выступили когти и впились волку в шкуру. Он затряс головой, стараясь сбросить соперницу. — Учить маленькую девочку после того, как обучал взрослых мужчин и женщин? Но разве меня кто-то спрашивал?»

Волк повалился на бетон, стараясь придавить Анну. Она увернулась в последний момент.

«Я ничего не знаю, — подумала Катя, — я не понимаю, что происходит. Кто хороший, а кто плохой».

«Тот, кто пытается убить тебя, — точно, плохой».

Волк и Анна начали ходить по кругу, не спуская друг с друга глаз. Они двигались медленно, готовые наброситься или отскочить.

Катя заставила себя подняться на ноги. Это она могла. Но нападать...

— Я ничего не знаю, — повторила она вслух. Как будто ее слова могли все исправить. Как будто Анна сейчас всплеснет руками и скажет: ну раз так...

— Я ничего не могу.

«Ты можешь сражаться, — отозвался волк в голове, — разве этого не достаточно?»

И Катя поверила.

Она осторожно, чтобы никто не заметил, подняла коготь, дождалась, пока Анна повернется спиной, и что было сил бросилась на нее.

«Вот тебе!» — подумала Катя. Она накинута сзади, обхватила ногами талию Анны и ударила когтем по ее плечу.

«Вот тебе!» — подумала она. За обман, за внезапное нападение, за нечестную игру. Катя вдруг ощутила свою силу. Мир пошатнулся и перевернулся с ног на голову. Анна — существо, которое добиралось сюда из Чехии, существо, которое было старше, знало и умело гораздо больше, боялось ее. Ее! Маленькую девчонку, которая даже не знала о своей силе. Боялось настолько, что привело с собой подмогу. Тень в рюкзаке. Катя нервно усмехнулась. Тень в рюкзаке! Она знала очень мало, но понимала, что это отчаянная попытка неудачницы набрать побольше очков.

Кем бы Анна ни была, она не могла победить настоящего Охотника. Она могла только напасть на ничего не знающую Катю. Увела ее подальше от людей, дождалась, пока станет достаточно темно для ее маленького помощника, спрятанного в рюкзаке.

Теперь Катя многое поняла. Вспомнила их разговор: Анна не просто рассказывала. Она наблюдала. Наблюдала и пыталась понять, знает ли Катя. Можно ли еще с ней справиться.

Катя не знала. Но даже в этом случае она оказалась не по зубам.

Анна взвизгнула. Стряхнула ее с плеч, повернулась, замахнулась лапой.

Волк толкнул ее в спину. Анна потеряла равновесие и полетела прямо на Катю. Кате оставалось только выставить коготь перед собой...

На секунду она увидела вблизи лицо Анны. Они почти соприкоснулись носами. Катя видела ее глаза в нескольких сантиметрах, смогла разглядеть красные крапинки в радужной оболочке.

Через миг тело Анны исчезло. Она обернулась черным туманом и стала подниматься в воздух, пока окончательно не растворилась.

Дождь продолжал лить, одежда промокла насквозь и липла к телу, рана на бедре еще тянула, но это была ноющая, словно уже старая, боль. Несколько новых ссадин жгли щеки, плечо, нос...

Катя не обращала внимания. Она приподняла голову и уставилась в желтые глаза волка. Он тяжело дышал и тоже смотрел на нее.

— Кто ты? — спросила Катя. Голос прозвучал на удивление сильно.

Волк встряхнул головой, во все стороны полетели мелкие капли.

— Хору, — его голос уже не отдавался в голове, однако пасть волк тоже не раскрывал. Впрочем, учитывая весь сегодняшний день, этот факт точно не входил в ТОП-10, — Я буду учить тебя сражаться с такими, как она.

Катя откинула голову, ударившись затылком об бетон.

— Что, будут и другие?

— Будут, — пообещал он, — тебе повезло, что эта оказалась слабой.

На этот раз Катя почти засмеялась. Ей почему-то так не показалось. Она приподняла голову и оглядела себя. Джинсы превратились в лохмотья. Куртка покрылась грязью и порвалась на рукавах — гораздо больше, чем после падения с велосипеда.

Подумать только. С велосипеда она упала всего пару дней назад. Катя посмотрела на Хору.

— Ты преследовал меня, — сказала она с упреком. Хотела добавить, что ее это пугало, но не было сил.

Хору сделал к ней шаг.

— Я пытался познакомиться. Не хотел приходить домой, чтобы не напугать. Я знаю, люди любят свои дома. Дома для них как крепости, и сильнее всего их пугает, что кто-то может туда проникнуть. Я пытался застать тебя снаружи. Но рядом всегда были другие. Вы, дети, любите сбиваться в стаи.

Катя хотела было возразить, что у нее один единственный друг и «стаи» она терпеть не может. Но спорить не было сил. Поэтому она заговорила о другом:

— Ты скалился!

— Я пытался улыбнуться, — невозмутимо сказал Хору.

Вместо ответа Катя рассмеялась. Она смеялась так сильно, что не заметила, как дождь заливает рот. Она подавилась, закашлялась, перевалилась на бок, чтобы сплюнуть, и засмеялась еще сильнее.

Вот она — история, достойная лучших фильмов. Девочку пытается убить монстр с когтистой лапой, а она умирает, захлебнувшись водой.

Смех отступил, прошел ужас — все проходит. Катя чувствовала только усталость, бедро перестало болеть и начало чесаться, Катя не видела, но знала: царапина уже начала затягиваться. Будто ее заштопала невидимая игла. Шумел дождь, заливал фонари, деревья, людей. Где-то далеко они прятались под зонтами и крышами, старательно делали вид, что не происходит ничего странного.

Где-то далеко текла обычная и даже скучная жизнь.

Катя заставила себя встать на ноги. Вокруг был мусор, разбросанный по бетону, вдалеке лес, с другой стороны — школа с пестрыми окнами. Все расплывается. Холодно, сыро.

Катя поднялась на ноги и чуть не упала от усталости. Хору оказался рядом, и она ухватилась за его мокрую, сбитую в сосульки шерсть. Другой рукой подхватила опустевший рюкзак Анны.

— А знаешь, — сказала Катя тихо и так задумчиво, будто от этих слов зависело все. Нога подкосилась, и она едва не упала; сплюнула попавшую в рот воду, — быть охотником —

дорого обходится. Раны, конечно, затягиваются, но есть еще одежда.

Катя проковыляла к стене, подняла бак с надписью «ОСТАВЬ ОТБРОСЫ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ», бросила туда рюкзак и снова ухватилась за шею волка. Вместе они двинулись прочь от школы, от стены, от сражения. Подальше от всего этого.

— Не дорого, — тихо сказал Хору, — если научишься не пропускать удары.

Часть 2

Ведьма

Глава 1

Тренировки

— Что собираешься делать сегодня ночью? — спросила мама, когда они с Катей сидели на кухне и пили чай.

Катя пожала плечами.

— Не знаю, — пробормотала она, заглядывая в черную непроглядную гущу кофе, — возьму нож и убью пару монстров.

Мама приподняла бровь.

— Одна?

Катя замотала головой. Она старалась не смотреть на маму. Только на красные шкафы с металлическим каркасом. Спросонья казалось, что кухонный гарнитур вот-вот трансформируется в автобота.

— Нет, конечно, — пробормотала она, зевая, — мне будет помогать огромный волк. У него характер не очень, но большую часть времени он хочет видеть меня живой. Кроме моментов, когда я его не слушаюсь.

Мама усмехнулась, поднялась со стула и подхватила рукой пустые чашки.

— Могла бы придумать сон поинтереснее, — она включила воду, — что-нибудь без убийств и монстров.

— Без убийств? — Катя сморщилась. — Что это за сон вообще?

Мама поставила кружки на место и поцеловала Катю в лоб.

— Спокойной ночи, Пэт, не засиживайся.

Катя пожала плечами. Что-что, а засиживаться в последнее время не приходилось. По понедельникам, средам и пятницам Хору устраивал ночные патрули, а по субботам проводил тренировки на выносливость. Так что вот уже месяц Катя чувствовала себя скорее зомби, чем человеком. Она выкраивала время на переменах, чтобы вздремнуть, проваливалась в сон в автобусах и такси, даже когда Гоше удавалось утащить ее в «Молочный пузырь», и все равно хотела спать.

Хору говорил, что организм у охотника очень выносливый и быстрее набирается сил, говорил, нужно только привыкнуть. Но пока на все его уверения Катя отвечала громким и вполне красноречивым зевком.

Хору уже ждал на улице. Тень волка лежала на стене дома, желтые глаза сосредоточились на Кате.

— Ты опоздала, ребенок.

Катя ненавидела этот взгляд. Этот взгляд каждый раз напоминал ей, насколько она далека от призрачных охотников, про которых Хору говорил с таким упоением и мистическим страхом.

Она удобнее пристроила рюкзак на плече и двинулась в сторону парка.

— Ждала, пока мама уснет. Или хочешь, чтобы я ей рассказала?

Хору не хотел. Он считал, что люди другой крови не поймут. Это должно оставаться внутри рода. Рода, рода, рода — он только и говорил о роде, из которого Катя знала только отца, да и то смутно.

— Может быть, пора рассказать мне хоть что-то?

Хору, как всегда, промолчал. Иногда это так злило, что хотелось ухватить за шкуру и держать, пока он все не расскажет. Вот только сложно держать того, кто в любой момент может исчезнуть, войдя в стену или ударившись о землю.

До парка Катя добиралась пешком. Сначала дворами, потом через мост. Хору шел за ней. Ему было трудно становиться объемным, так что он экономил силы и скользил тенью по стенам.

Катя прошла немного вдоль забора, остановилась у дыры, которую никто не собирался заделывать. За много лет дыра получила почти официальное название «Северный вход», к ней протоптали дорожку, какие-то умники даже повесили табличку «Добро пожаловать». Тень Хору теперь мелькала по деревьям.

— Сосредоточься и попытайся почувствовать тени, — начал он, но Катя его перебила.

— Не буду. — Она протиснулась через дырку и осмотрелась. Как обычно, одни деревья, и никаких признаков тени. Катя уже не верила, что когда-то научится. — Сначала ты ответишь на несколько вопросов. Учítывая, что я уже месяц выхожу с тобой на охоту и слушаю твои советы, я заслужила...

— Ладно, — перебил Хору. Катя застыла. Она ожидала чего угодно, только не этого. Хору — Хору, которого она знала, — ни за что бы не согласился.

— Спрашивай, что ты хочешь узнать? — продолжил он, сделав акцент на слове «хочешь».

Катя, если честно, растерялась. Она так долго ждала этого момента, что теперь вдруг поняла, что не готова. То есть, казалось бы, почему не спросить обо всем? От начала времен до нынешнего момента, и еще немного на будущее. У них впереди целая ночь. Если ее не хватит, будет еще много.

Но что Катя *действительно* хотела узнать? Забыть все, что с ней произошло, уже не получится. Месяц назад она встретила с тенью. Страшные черные твари, которые ходят ночами и убивают людей. Это явно не увеличивало ее шансы на спокойный сон.

Была еще Анна. Хору называл ее демоном. И вот о демонах — Катя была совершенно уверена — она не хотела узнавать ни-че-го.

Она выдохнула. Нужно начать с чего-то попроще. С чего-нибудь надежного и безопасного.

— Кто ты? — выбрала Катя самый, как ей казалось, нейтральный вопрос. — Волк? Тень? Галлюцинация?

— Хору, — отозвался Хору.

Вот это уже было похоже на ее старого, доброго наставника.

Катя шагнула туда, где, как ей показалось, может быть тень. Проблема заключалась в том, что решала она головой, а не инстинктами. Вторая проблема: голова не так уж и хорошо работает по ночам.

— Ты хочешь, чтобы я убивала монстров, но не говоришь, как это делать.

— Я говорю, — без тени насмешки отозвался волк. — Нужно взять нож и убить.

Она свернула на лесную тропинку, попыталась взглянуть в очертания деревьев и заметить где-нибудь цель. Бесполезно.

— Хотелось бы поподробнее, — почти простонала Катя, — у разных монстров должны

быть разные слабости.

— У всех есть одна слабость, ребенок, — никто не устоит перед умело направленным ножом.

Она повернула налево, в самую густую часть леса. Там в последнее время таилось больше всего теней. Проблема заключалась в том, что их нужно искать. А для этого, как любит выражаться Хору, нужно чувствовать силу.

Делалось это примерно так: Катя закрывала глаза, глубоко вдыхала и притворялась, что старается. Через десять минут Хору сдавался, выдыхал и сам отводил ее куда нужно.

— Ты ничего не рассказывал о моем отце. — Катя аккуратно ступала между деревьями, оглядываясь на каждый звук. Тень была где-то рядом, а Кате меньше всего хотелось портить осеннюю куртку. Значит, нужно было найти и убить тень прежде, чем та доберется до одежды. — Он тоже был охотником? Я думала, он нас бросил, но... — Катя остановилась и замолчала.

Ей показалось, она заметила что-то, но, конечно, это было не так.

— Твой отец был хорошим охотником, — сказал за ее спиной Хору, — и старательным, в отличие от тебя.

Катя скривила недовольную гримасу. Ее наставник вставлял упрек в любой ситуации, когда он был хоть чуть-чуть уместен.

— А почему я? — продолжила она. — Как это вообще работает? Кто-то тянет лотерею?

Хору выдохнул, и в этом звуке было сконцентрировано все его высокомерие и нежелание с ней разговаривать. Он, как никто другой, умел заставить Катю почувствовать себя неумелой.

— У охотника очень сильная кровь, — он говорил медленно, почти по слогам: — Ее сила всегда передается потомкам.

«Доминантный ген», — подумала почему-то Катя. В кои-то веки пригодились уроки биологии.

— За долгие годы родовые древа первых охотников сильно разрослись и разветвились, — продолжал Хору. — Часто родственную связь уже нельзя отследить, но сильная кровь всегда дает о себе знать, и черная сила видит ее. Она выбирает представителя рода, самого сильного душой и кровью, и объединяется с ним.

Катя нахмурилась.

— Выходит, я вроде как самая сильная?

— Ты просто последняя, — невозмутимо сообщил Хору, и ее гордость в один миг сменилось тревогой.

— Все ветви вашего рода вымерли, осталась только эта, но и на ней, — Катя почувствовала, как желтые глаза высокомерно ее изучают, — лишь хрупкий лист, готовый сорваться от дуновения ветра.

Она вздохнула. Намек был вполне очевидным.

— Что насчет других родов? У них тоже есть охотники? Где они?

Катя старалась уловить хоть какое-то движение. Хоть как-то почувствовать тень. Но все было бесполезно.

— Тебе не нужно знать об остальных, — сказал Хору строго, — для твоего же блага.

Он прошел вперед, указывая, куда двигаться. Катя снова попыталась почувствовать тень,

но не смогла. Это было гораздо-гораздо труднее, чем просто сражаться.

Когда ей нужно было сражаться, она просто вдыхала и позволяла потоку энергии слиться с ней. Как приоткрыть окно и дожидаться, когда в комнату ворвется свежий воздух.

Но чтобы почувствовать тень, энергию нужно было брать под контроль, сознательно сливаться с нею и полностью ощущать. Говоря проще: сделай то, не знаю что, но сделай правильно.

Очередная попытка увенчалась провалом, и Катя обреченно выдохнула.

— А разве охотники не должны где-нибудь собираться вместе и устраивать симпозиумы? — она с досадой ударила ладонью по ветке. — Большие семейные посиделки, лекции вроде «Двадцать способов убить тень из-за спины», перерывы на обед, сувениры?

Глаза Хору появлялись на деревьях, следили за ней, изучая.

— Не сейчас, — сказал он тихо. Катя остановилась, прислушиваясь. — Сейчас слишком опасно знать друг о друге.

Она уже открыла было рот для следующего вопроса, но заметила черный силуэт тени и направилась к нему.

Тень двигалась безшумно и очень медленно. Значит, ее «локатор зла» еще не обнаружил поблизости человека.

Катя медленно приблизилась, удобнее перехватила нож, коснулась черной силы и бросилась на врага. Она надеялась ударить быстро и избежать драки. Но тень успела развернуться и атаковать. Ее когти прошли аккуратно по плечу. Оставили на кожанке четыре полосы, а футболку под ней даже не задели.

Катя отскочила в сторону.

— Знаешь что?! — крикнула она, гневно глядя на тень. — Это была моя любимая куртка.

Она услышала, как Хору пробормотал что-то вроде «с ней невозможно работать». Хотела возмутиться, но было не до него. Тень нападала. Катя отступала, уводя ее на открытое место. Ветки царапали руки, земля была неровной, торчали корни деревьев, валялся мусор. Здесь было легко споткнуться, упасть — и умереть.

Но Катя чувствовала, как ею овладевает сила, как она проникает внутрь и помогает делать то, чего Катя никогда не смогла бы одна.

— Я одного не пойму, — продолжила она, обращаясь к Хору. — Если мой отец... — Она отскочила от очередного удара. — Умер давно, почему я получила силу только через десять лет?

— Об этом действительно нужно говорить прямо сейчас? — спросил волк. — Смотри на тень. Запоминай, какой длины ее лапы. Помни — лезвие не главная часть ножа. Сила в рукояти. Держи ее крепче!

Катя увильнула от очередного броска. Глянула через плечо — сквозь деревья уже был виден спуск к озеру. На берегу много места — есть где развернуться для боя.

— В другое время ты со мной вообще не разговариваешь. — Катя принялась спускаться, стараясь не поскользнуться. — Ответь прямо сейчас.

Хору вздохнул.

— Ты узнаешь, когда придет время, ребенок.

— Я не... — начала было Катя и в эту секунду наступила на поросший мхом камень. Нога соскользнула, Катя кубарем полетела вниз.

В следующий миг она обнаружила себя барахтающейся в озере. Ледяная вода заливала

нос, рот и уши. Катя вынырнула, заметила сверкнувшие когти и зажмурилась.

Когда она открыла глаза, тени не было. На берегу, глубоко дыша, стоял Хору. Катя выбралась из озера, огляделась и поморщилась.

— Мокрая, грязная и замерзшая, — пробормотала она под нос, — охотиться не так весело, как казалось. Спасибо, что подстраховал, — обратилась она к Хору, вытирая воду с лица.

Он заворчал на непонятном языке с большим количеством «р» и шипящих. И хотя Катя не понимала ни слова, она знала, что он отзывается о ней далеко не лестно.

— Ты никогда не научишься, если будешь стараться вполсилы, — закончил он уже на русском, — ты не должна ждать, что я в любой момент помогу.

— Но ты же помогаешь.

Она стянула рюкзак, открыла и перевернула. Оттуда вывалились завернутый в полиэтилен сэндвич, и перочинный нож, и вода — вода продолжала течь тонкой струйкой.

Катя вдруг замерла. Она заметила какое-то движение в кустах. Тень? Нет, было непохоже. Промелькнуло что-то белое. По телу пробежали мурашки: что-то белое или что-то в белом наблюдало. Оно наблюдало за ней.

Недолго думая, Катя схватила нож и рванула вверх по пригорку. Ветки цепляли джинсы и царапали, но она ничего не замечала. Она теперь была уверена, что ей не показалось.

Катя вскарабкалась на пригорок, раздвинула ветки и выдохнула. Ничего.

Хору возник рядом.

— В чем дело? — спросил он немного обеспокоенно. — Ты за кем-то побежала?

Катя задумалась. А действительно, зачем она только что мчалась? Может быть, просто хотела держаться подальше от воды?

— Нет, — отозвалась она, все еще хмурясь, — наверное, просто показалось.

Катя упала за парту и бросила портфель на пол. Ночные тренировки отнимали все силы, а еще приходилось учиться. Почему учителя требуют записку от родителей? Почему нельзя принести записку от тени-наставника-большого-и-страшного-Волка. Что-то вроде: «Макарова Екатерина не может прийти на занятия, потому что всю ночь патрулировала центральный парк».

— Слышала новости?

Гоша приземлился рядом и поставил рюкзак у нее перед носом.

— Что, ты начал бриться? — она изобразила наигранное удивление. Гоша подтолкнул ее в плечо.

— Но-но, женщина! Видишь это, — он ткнул пальцем в верхнюю губу.

Катя прищурилась.

— Очаровательный белый пушок?

— Первый признак, — довольно заявил Гоша. — Со временем эти тоненькие волоски окрепнут и потемнеют, и я отращу великолепные усы, как у злодеев в немом кино, — он показательно накрутил на палец воображаемую растительность. — Но я не об этом. — Он нагнулся и едва слышно прошептал: — Говорят, достали ответы на убойный тест.

Гоша вынул учебник, положил на край парты, рядом аккуратно уместил линейку, карандаш и ручку. Катя скосила взгляд на свою половину стола — у нее было по-другому.

— Кто?

Гоша сделал «а-разве-не-очевидно» взгляд, и она продолжила, закатив глаза:

— Вятский. Он как осьминог: везде запустит свои щупальца.

Гоша пожал плечами. По его скромному мнению, Вятский стал бы талантливым игроком в футбол, может, даже попал бы в сборную, если бы серьезно занимался с детства. Вместо этого он решил приторговывать травкой и ответами на тесты — весь в папочку.

Катя выдохнула, достала тетрадь по физике-литературе-обществознанию, или, как ее стоило называть, «место, где я делаю вид, что что-то пишу на уроках», и посмотрела на обложку. Оттуда на нее таращилась высокомерная лягушка.

Кате захотелось хорошенько разрисовать это глупое создание. С сентября ее оценки резко упали: в прошлом году она была твердой хорошисткой, а теперь металась от двойки к тройке, и могла в два счета вылететь из гимназии в еще большую дыру.

Забудьте о тенях, волках и монстрах. Настоящая проблема — убойный тест.

— Откуда Вятский достал ответы? — Катя взяла ручку и, почти не думая, подрисовала лягушке очки.

Он жестом показал: говори тише.

— Помнишь, две недели назад в школу приходили саперы?

Катя поморщилась. Она тогда отлеживалась после неудачной драки — тень расцарапала ей плечо, и рана срасталась почти сутки. В итоге вместо контрольной по алгебре Катя

пропустила одну из самых увлекательных школьных историй. Какой-то придурок позвонил в полицию и сообщил, что в кабинете директора бомба. Наряд приехал через полчаса, учеников выгнали. Саперы с собаками обшарили весь третий этаж, но ничего, конечно, не нашли.

— Оказывается, это Вятский все подстроил, — продолжил Гоша, — и не для того чтобы не писать контрольную, как все подумали, а чтобы выкрасть ответы на тест. Он договорился с одним из полицейских, и тот перефоткал варианты.

— А Вятский случайно не собирается побриться наголо, завести кота и начать засовывать в рот мизинец? — Катя наклонила голову, подумала еще немного и пририсовала лягушке шляпу. — Откуда ты-то знаешь?

— Вчера играл с Кравцовым в футбол. Он, кстати, неплохой парень.

— У тебя все неплохие, — фыркнула Катя. В последнее время Гоша часто играл в футбол и все реже ходил с ней в кино или игровые автоматы. В основном, конечно, из-за нее — после ночных бдений ей все время хотелось спать. Но все равно: как можно проводить время в компании местных самовлюбленных идиотов вроде Вятского?

Гоша проигнорировал ее реплику.

— Кравцов решил, что я могу купить ответы, — он усмехнулся, — как будто у меня есть такие деньги.

«А у меня есть», — почему-то подумала Катя.

— Я ведь могу завалить тест в этом году, — сказала она. Гоша пожал плечами. Он, конечно, не поверил.

Катя посмотрела в окно, на задний двор, заросший елями и липами. Небо было высокое и светлое, двое парней из банды Вятского пинали мяч в стену, на обратной стороне которой был нарисован огромный потрескавшийся портрет Че Гевары. Кто-то из мелких крутился на скейте, отрабатывая прыжок.

Неужели после всех ее тренировок и побед над тенями Катя не заслужила немного расслабиться и отдохнуть? Почему она должна сражаться всю ночь, торчать утром в школе, а вечером готовиться к тесту?

Голос учителя прервал ее размышления, и Катя отбросила мысль, которая уже начала зарождаться в уставшей голове.

* * *

— Ну, пожалуйста! — протянула Катя, пнув пустую бутылку из-под лимонада. Бутылка отскочила к урне и покатилась, цепляя на липкую этикетку первые опавшие листья. — У меня получится.

Тень Хору изредка появлялась на стенах, когда Катя проходила мимо кафе или общественных туалетов, но основное пространство центрального парка занимали деревья, а между ними — плохо забетонированные дорожки, освещенные тусклыми фонарями. Так что видеть Хору она не могла... Хорошо бы еще и не слышать. Но его голос звучал прямо в ее голове, какая насмешка природы!

— Ты должна быть предельно сосредоточенна, — сказал он.

— Музыка отлично помогает сосредоточиться, — в который раз ответила Катя, — я могу сделать очень тихо. Буду все слышать, а на заднем фоне пусть тихо играет саундтрек к моей жизни. Что-нибудь очень мрачное, — добавила она, оглядываясь.

— Сосредоточься, — повторил Хору, — я чувствую тень где-то поблизости. Справишься?

Катя стянула рюкзак и вытащила оттуда нож.

— Давай сделаем это быстро, мне еще нужно подтянуть химию. До убойника осталась неделя, а я к нему совсем не готова.

Катя медленно двинулась в глубь леса — туда, куда указывал Хору.

— Что такое убойник? — спросил он. Кажется, впервые заинтересовался чем-то еще, помимо охоты.

— Штука, которой нас пытаются в школе, — пояснила Катя, осторожно ступая по неровной земле, — у нас частная школа, и из нее любят выгонять. Для этого каждый год в октябре и феврале проводят большой тест. Почему в октябре и феврале? — спросила она сама себя и сама же ответила: — Потому что директору нравится издеваться. Готова поспорить, что он специально выбрал время через полтора месяца после каникул, чтобы в случае провала было сложнее попасть в другую школу.

Катя остановилась. Она услышала движение. Две твари выходили из тени большого клена. Обычным взглядом их было почти невозможно увидеть — в этом и заключалась их сила. Сколько сообщений о пропавших, сколько случаев смерти! У Зеленой Горы давно была слава страшного городка. Говорили, здесь лучше не ходить ночью — орудует то ли серийный маньяк, то ли целая банда.

На самом деле это были тени.

Тень — странная сущность, похожая на мазутную субстанцию в форме человека. Они появляются только после заката, и у них нет ни зубов, ни оружия. Зато на лапах по четыре гигантских когтя, и эти лапы могут вытягиваться в самый неподходящий момент. Любимое занятие — поджидать случайных прохожих, разрывать их на части, а потом накрывать собой и полностью поглощать. Так, чтобы даже одежды не оставалось. Кате не доводилось этого видеть, но Хору рассказывал довольно живописно.

Еще Хору говорил, что тени — слабаки и отличная мишень, чтобы научиться сражаться. И вот уже почти месяц три раза в неделю Катя выходила на охоту и убивала по одной тени за ночь. Теперь ей предстояло встретиться с двумя.

Катя закатила глаза и удобнее взялась за рукоять ножа. Нож она купила в охотничьем магазине. До сих пор ежила, вспоминая взгляд продавца.

— Осторожнее, — отозвался за спиной Хору, — если чувствуешь, что не готова, можешь доверить это мне.

— Надо было предлагать раньше, — возразила Катя. — Но если уж заставил меня мерзнуть ночью, мое сердце требует убийств.

Она закрыла глаза и позволила тени течь сквозь свои пальцы, погладила деревянную рукоять, пустила силу через лезвие. Подобное можно убить подобным. Тень не убьют ни пули, ни ножи, а свет только отпугнет и прогонит на время. Хору научил ее первым делом:

глубоко вдохни и представь, как наполняешь силой лезвие. Когда все будет сделано, нож сам поведет тебя.

Некоторые тени шипели, как гремучие змеи. Катя слышала их приближение, напряглась, как кошка перед прыжком, позволила себе несколько мгновений на вдох и ринулась в бой.

Черные когти рассекли воздух справа. Она отскочила, махнула наугад. Мимо.

Удар сзади. Отпрыгнуть. Принять удобную позу. Не позволить себя окружить.

— Обычно я с легкостью сдаю тест, — продолжила Катя, заманивая тени к фонарю: свет прикроет тылы и сделает врага слабее. — Дважды попадала в число стипендиатов. Дрянь! — Она едва увернулась от атаки. Четыре когтя царапнули левую руку. Рукав футболки напитался кровью: — Это пятьдесят учеников, набравших самый высокий балл, и они один семестр учатся бесплатно. А в этот раз я рискую не перевалить за пятьдесят процентов и вылететь. Так-то!

Она бросилась вперед, полоснула ножом по тени. Лезвие вошло глубоко, змеиное шипение стало громче, через пару секунд на землю стекла черная вода и упало восемь пластин — когти тени, единственное, что остается от них после смерти.

Вторая навалилась сбоку, повалила Катю на землю, нависла и зашипела. От нее пахло сладковатой гнилью. Катя перехватила лапу, сморщилась от того, какая та скользкая и липкая, будто запускаешь руку в желе. Сил не хватало. Тень давила ее, и это был лишь вопрос времени — когда ей удастся вонзить когти в руку, потом в грудь, потом в шею, а потом от души поужинать человечинной.

Тень была уже совсем близко. Ее когти щелкали в паре сантиметров от Катиного лица. Воняло невыносимо.

— Хору, — пробормотала Катя сквозь зубы, — давай.

Тень отлетела в сторону. Вместо нее вырос силуэт Хору. Он стоял боком, скаля на тень черные клыки, и глубоко дышал.

Катя поднялась на ноги. Тень зашипела, сделала несколько шагов. Хору набросился и повалил ее на землю. Катя подобрала упавший нож, закрыла глаза, выдохнула. Пустить через него тень: сконцентрироваться и напасть.

Пока тень приходила в себя, Катя рванула к ней, отвела нож к левому плечу, сделала два шага и с силой выпрямила руку. Лезвие прошлось по груди тени. Шипение, гнилой запах и тихий шорох — когти упали на траву...

Катя рухнула следом, распластала руки. Трава была мягкой, прохладной, от тени оставался едва уловимый запах гнили, но и он исчезнет через пару минут. Дышать было тяжело и больно. Катя повернула голову влево, провела рукой по царапинам. Кровь уже запеклась, и на месте ран остались тонкие красные полосы. Ее способностям к восстановлению можно было только позавидовать.

— Регенерация не спасет, если тебе проткнут сердце, — словно угадав ее мысли, заметил Хору. Он встряхнул головой, подпрыгнул на месте, целясь в землю, и растворился в ней.

— Знаю, — пробормотала Катя, — я еще не готова сражаться с двумя. Не успеваю следить.

— Ты бы успевала, если бы не разговаривала, а полностью сосредоточилась на бое.

Хору уже исчез, но Катя слышала его голос.

— Я в курсе, папочка, — начала было она, но замолчала.

Краем глаза она заметила в кустах странное движение. Повернула голову — никого.

— Тебе нужно заниматься усерднее, — настаивал Хору.

Катя поднялась на ноги. Рукав футболки превратился в бахрому.

— Обязательно, но только не на этой неделе, — она принялась счищать с футболки кровь и грязь, — если не подготовлюсь к убийнику, вылечу.

Хору издал что-то среднее между рычанием и кашлем.

— А что мне делать? — начала возмущаться Катя, но тут же остановилась. На лице заиграла улыбка: — Эй, Хору, если мама посадит меня под домашний арест, это помешает выполнению моей важной миссии, так?

Хору заворчал:

— Полагаю, да.

— Значит, я окажу услугу всему миру, если пойду на небольшое нарушение? — Катя наконец оставила футболку в покое и принялась убирать черные пятна с лезвия. — Если куплю ответы на тест, то в этом не будет ничего плохого, потому что все — ради благого дела, так? Класс! — она сунула нож в рюкзак, нацепила его на плечи и пошла домой.

— Я не имел в виду... — начал было Хору. Но Катя уже не слушала.

* * *

Если побеждаешь тени, справишься и с этим.

Катя стояла у стены Че Гевары. Обычно после третьего урока все уходили в столовую, так что площадка пустовала. Катя и сама была не прочь подкрепиться, но на что только не пойдешь ради ответов. Сначала ей пришлось уговаривать Гошу, чтобы тот договорился с Кравцовым, теперь ждать Вятского, чтобы при личной встрече убедить, что она не собирается доносить директору. Катя вздохнула: с каких пор преступникам нужно проходить собеседования?

Она оглядела забетонированную площадку: сквозь щели пробивались одуванчики и осока. Вспомнила, как месяц назад ее здесь прижали к стене, а она была совсем слабой и ничего не могла. Теперь она знала и умела намного больше. Месяц тренировок развил инстинкты. Она знала, как обращаться с ножом, как уворачиваться от когтей и бросаться в атаку.

Ветер приносил первые запахи осени: влажный холодный воздух и далекий дым от сожженных листьев.

Катя подошла к мусорному баку, в который ее впечатала тень. Вмятину до сих пор не выровняли, да и кто будет этим заниматься? Отсюда и мусор вывозили раз в месяц. Каждый раз, возвращаясь домой, Катя дергалась, когда замечала карман Анниного рюкзака, торчащий из бака. Надпись баллончиком «ОСТАВЬ ОТБРОСЫ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ» сохранилась с две тысячи четырнадцатого. Краска уже облупилась, но никто и не думал ее замазывать. Катя прикоснулась пальцами к баку, почувствовала вмятину, закрыла глаза, пытаясь вспомнить свои чувства тогда...

— Эй, — позвал голос за спиной, — ты... изучаешь мусорку?

Катя отпрянула от бака. Да уж, отличный способ произвести впечатление — хочу

заниматься нехорошими делишками. А еще обожаю поглаживать помойные баки. Хобби такое.

Она обернулась и выдавила виноватую улыбку. Вятский смотрел на нее из-под сведенных бровей, прятал руки в карман кожанки, отчего та натягивалась на спине, темные волосы приминала бордовая шапка. И сейчас, глядя на него, Катя, возможно, впервые поняла, почему многим он так нравится. Вятскому было далеко до красавца — непропорционально крупные плечи, длинная шея, острый кадык и грубоватое лицо. Но он казался взрослее и серьезнее остальных.

Катя привыкла относиться к нему как к избалованному сынку папаши — полковника полиции, который у любого ассоциировался только с двумя словами: «взятки» и «некомпетентность». Она думала, что будет общаться с ним, как с неизбежным злом. Что-то вроде сражения с тенями или ответа у доски. Но сейчас под его пристальным взглядом Катя растерялась.

— Ты отличница? — спросил Вятский хмуро. — Похожа на отличницу.

Из его уст это звучало далеко не как комплимент, и Кате против воли захотелось пригладить волосы... или растрепать? Да откуда она знала, как надо выглядеть, чтобы сойти в этой компании за свою?

— Хорошистка, — отозвалась она, — то есть была хорошисткой до этого года. Сейчас совсем нет времени на учебу, так что я просто хочу набрать больше пятидесяти. Вот так рушатся мечты о приличном вузе, — добавила она зачем-то.

— В вузах тоже все покупают, — пожал он плечами.

Катя могла только кивнуть.

— И именно поэтому я не доверяю врачам. И экономистам. И политикам. И людям вообще, — добавила она, успев подумать, что мысль завела ее куда-то не туда. Но Вятский только усмехнулся.

— Так как тебя зовут?

Катя замерла. Голова закружилась, как будто что-то с силой толкнуло в затылок. Она уже знала это чувство. Испытала, когда впервые ощутила близость тени. Позднее это чувство должно было возвращаться, но у Кати не получалось. А теперь оно пришло само собой.

Тень рядом со школой? Среди дня? Это было как минимум странно.

Катя вспомнила, чему учил ее Хору: расслабиться и довериться инстинктам. Даже днем, когда светит солнце, есть тень. Надо только суметь отыскать ее. Тени от облаков, от стен, от людей, все они — тонкие тропинки. Через них можно заглянуть туда, где у Кати есть реальная сила. Она сосредоточилась, представила, что поднимает лежащие на земле тени, что они обретают объем и она может видеть сквозь них, словно подглядывая через замочную скважину.

Все стало на несколько тонов темнее, будто Катя держала пленку перед глазами. Она огляделась: в направлении леса в воздухе чувствовался грязный скрюченный ком.

Катя мысленно позвала Хору, но он не ответил. Днем, при свете, у него было мало сил.

— Эй! — Вятский пощелкал перед ней пальцами. — Собираешься отвечать?

— А? — Она моргнула. — Катя... Макарова Катя. Десятый «А» класс. Что-то еще? — она спросила абсолютно искренне, потому что прослушала вопрос, но Вятский только усмехнулся.

— Котик, значит, — пробормотал он, — мило.

Катя даже не сразу поняла, почему котик. Ей, честно говоря, было не до того. Звуки стали далекими, голос доносился будто через трубу.

Вятский достал сигарету.

— Не против?

Катя была против, но не нашла сил возразить, и он закурил.

— Мы ведь не идиоты? — он заглянул ей прямо в лицо, и Катя кивнула. — Если все напишут тест одинаково, Медведь догадается и заставит пересдавать, — Вятский выпустил дым, — поэтому мы сами подготовили разные варианты. Изменили ответы, чтобы не попасться.

Катя кивнула.

— Расценки такие, — продолжил он, — пять тысяч за проходной балл. Получишь от пятидесяти пяти до шестидесяти. За восемьдесят пять — девяносто баллов — десять тысяч. Или плати двадцать и получишь все ответы. Есть условия, — добавил Вятский, прежде чем Катя ответила, — ты платишь, мы даем список. Все, что от тебя требуется, — заучить буквы и написать правильно. Справишься?

Она кивнула. Плотный сгусток тени вдалеке слегка подрагивал, но не двигался. Тень днем? Разве это возможно?

— Не брать с собой шпор, — добавил Вятский, — если хоть кто-то попадется, все провалится.

Катя сощурилась. Сгусток не собирался исчезать. Что-то было там, в лесу, и ей нужно было это выяснить.

— И самое главное, — он снова затянулся, — если расскажешь кому-нибудь из учителей, тебе будет очень и очень плохо. Все устраивает? — Он стряхнул пепел на землю.

— Хорошо, — отозвалась Катя, даже не посмотрев на него, — принесу деньги завтра. Пять тысяч.

Она рванула вперед, поддаваясь предчувствию, и даже не заметила, как толкнула его плечом.

Он проводил ее взглядом, бросил сигарету в контейнер и крикнул вдогонку:

— Эй, котик, аккуратнее!

* * *

Задний двор школы упирался в небольшой, но густой лес, через который можно было спуститься к Белой речке. Ученики часто распивали там пиво или просто зависали от нечего делать. Но сейчас Катя не чувствовала никого. Только странный сверхъестественный сгусток энергии.

Она все еще была плоха в концентрации и считывании энергетических потоков, но даже так чувствовала: впереди ее ждет нечто крайне неприятное.

Катя направлялась в самую гущу леса, раздвигая ветки тополей и лип. Она шла то по примятой траве, то по тропинке, которую протоптали ученики. В детстве Катя и Гоша любили здесь гулять, забираться на деревья, разбивать шалаши. У них даже были собственные деревья — они ключами выцарапывали имена. Однажды он притащил папин охотничий бинокль, и они почти целый день сидели на верхних ветках и следили через окна за директором.

Но теперь все здесь было по-другому. Лес был пропитан знакомым легким запахом

гнили. Катя стянула рюкзак, чтобы проще было достать нож, не охотничий, а небольшой перочинный — это все, что она могла позволить себе в школе.

— Хору, мне кажется, здесь тень, — проговорила она себе под нос.

Хору не отвечал. С ним было трудно связываться днем, как будто что-то создавало помехи. Что ж, видимо, придется справляться самой.

Здесь. Совсем близко. Катя раздвинула ветки, дернулась вперед, выбросила руку с ножом и замерла.

На земле лежала девочка лет четырнадцати. Ее руки были раскинуты, а земля вокруг головы стала влажной и темной. Над ней нависал бесформенный силуэт — синие джинсы и белая толстовка с натянутым капюшоном. Со спины невозможно было определить ни возраст, ни пол человека. Но он склонялся над девочкой.

Катя замерла.

Человек в белой толстовке немного повернулся. Катя все еще не видела лица, но заметила длинные черные волосы, рукав закрывал руку до костяшек, торчали только тонкие пальцы, и они держали нож.

Катя крепче ухватила за оружие.

Нож! Под белой толстовкой скрывалась девушка, и, судя по оружию в руке, намерения у нее были не самые дружелюбные.

Катя приготовилась к бою, но девушка вскрикнула и рванула прочь. Катя сделала несколько шагов за ней, но остановилась. Она посмотрела на девочку.

Ее волосы рассыпались светлым ореолом. Справа, где текла кровь, они намокли, потяжелели и стали рыжеватыми.

Катя вспомнила про девушку в толстовке.

Про отпечатки.

Про оказание первой помощи.

Про силу, которая привела ее сюда.

И после всех промелькнувших в голове мыслей, резких, как удар ножа, она смогла сказать себе только одно: нужно сделать вдох.

Она никогда не сталкивалась с таким. И не думала, что столкнется. То есть... разве можно быть к этому готовой?

Катя медленно двинулась в сторону девочки. Нож все еще держала в руке. Она шла напряженно, как хищник перед атакой. Уговаривала себя расслабиться и поторопиться. Если девочка жива, на счету каждая секунда. Она сглотнула. Если...

Она осторожно присела, отыскивая где-то в глубинах памяти правила. Сначала проверить пульс. Кажется, так делают в фильмах. Кажется, для этого кладут руку на запястье...

Катя убрала нож, потянулась к руке...

Что-то дернулось!

Она отпрыгнула быстрее, чем успела сообразить. Внутренности сдавило ледяным ужасом. Но только на пару мгновений. Потом Катя поняла, что произошло. И ужас сменился облегчением.

Девочка пошевелила рукой. Потом еще раз. Пальцы с красным лаком на коротких ногтях

очень медленно согнулись. Что-то похожее на кашель вырвалось из ее горла, разорвало тишину. Катя слышала собственное дыхание и глухие, отдающиеся в шее удары сердца.

Девочка открыла глаза. Взгляд был немного потерянным, в солнечном свете серая радужка едва отдавала голубым. Девочка поежилась, сморщилась, моргнула, закричала и с трудом выдавила:

— Я, кажется, упала.

— Ты даже не представляешь как, — выдохнула Катя, стараясь не смотреть на запекшуюся кровь и не думать про незнакомку с ножом. Она поднялась на ноги и протянула руку. — Сможешь дойти до медпункта? Добрый доктор придумает, как тебе помочь.

Катя подхватила девочку под руки и повела в школу.

Нож пришлось убрать. Катя всю дорогу оглядывалась по сторонам. Она чувствовала, она готова была поспорить, что за ними наблюдают, но не могла оставить раненую девочку.

— Как тебя зовут? — спросила она, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

— Маша, — ноги у девочки подкашивались. — Что произошло?

— Я надеюсь, ты мне скажешь, — белая тень промелькнула за кустами, — что ты помнишь?

Маша вдруг остановилась и уставилась на Катю. Ее глаза на свету казались почти прозрачными. Красивые светло-голубые глаза.

— Я упала, — сказала она, — больше ничего.

Катя повела ее дальше. Она пыталась понять, что именно случилось. Почему Маша оказалась на земле с разбитой головой? И как это связано с девушкой?

«Стоп, — сказала она себе, — с какой девушкой?» Сознание окутывал туман. Катя пыталась бороться. Она должна выхватить это ускользающее воспоминание и зафиксировать.

Капюшон. Девушка. Нож. Не она ли преследовала Катю во время охоты? И преследовала ли? Катя встряхнула головой. Стоило подумать о девушке, и мысли путались, смешивались и куда-то убегали. Это было как минимум ненормально.

Ей обязательно придется разобраться с этим. Но для начала нужно помочь Маше.

* * *

Николай Владимирович принял пациентку с беззаботным видом:

— Ох уж эти блондинки, — он снял со шкафчика перекись, налил на вату и аккуратно протер висок, — вечно где-нибудь заблудятся, споткнутся, а мне потом выписывай направления на рентгены.

Сквозь приоткрытое окно влетала пыль, стальные приборы блестели на солнце: стетоскоп, щипцы, ножницы.

Маша осматривалась в кабинете, словно видела его впервые. Она поджала губы и с интересом посмотрела на доктора снизу вверх.

— У вас очень заботливые руки, — она сморщилась, когда доктор раздвинул волосы, чтобы обработать ранку на голове.

Доктор усмехнулся, протер еще раз и выбросил ватку в корзину. В кабинете звучала уже знакомая Кате песня:

И я покажу тебе дорогу, по которой нужно следовать.
До завтра ты в безопасности.

— Выглядит не страшно, — бодро заверил Николай Владимирович. — Как себя чувствуешь?

Маша провела рукой по лицу и шее.

— Лучше не бывает, — она едва заметно улыбнулась, — вы не могли бы открыть окно пошире? Хочу подышать.

— Любой каприз клиента. — Николай Владимирович открыл створку, и Маша подставила лицо ворвавшемуся ветру. Катя подумала, что Маша ведет себя как-то странно. Но для человека с амнезией, пусть даже кратковременной, держалась она неплохо. Сама Катя сидела на кушетке с градусником под мышкой и отчаянно ерзала, стараясь поднять температуру. Иногда она обрывала себя: стоп, ты должна думать не об этом. Девушка с ножом, помнишь?

Но чем больше проходило времени, тем менее важной казалась эта девушка. Это было похоже на сон, который медленно оттеснялся реальностью.

— Сколько, говоришь, ты пролежала без сознания? — Доктор сел за стол и принялся что-то набирать в ноутбук.

— Не знаю, — пожала плечами Маша, — не помню.

Доктор присвистнул.

— Тогда лучше связаться с родителями. Скорее всего, у тебя шок, и все-таки...

Он повернулся к Кате:

— Макарова, доставай градусник и дуй на уроки. Температура у тебя явно в норме.

Катя поджала губы, изучая результаты своих стараний: ртуть замерла на отметке тридцать шесть и шесть.

— Черт, — пробормотала она, поднимаясь, — когда-нибудь это должно сработать.

— Молодец, что нашла и помогла ей, — он потрепал ее по волосам, и Катя съежилась и улыбнулась одновременно.

— Просто повезло, — пробормотала она и поспешила выскочить из кабинета. О девушке с ножом думать совсем не хотелось.

Николай Владимирович повернулся к Маше:

— А ты пока иди домой и поспи. Завтра в больницу, сделаешь рентген. Даже если будешь чувствовать себя нормально, — он отвернулся, чтобы поправить штору, — лучше на всякий случай...

Что-то рассекло воздух.

Солнечный блик упал на его правую щеку, штора вздрогнула от порыва ветра, и что-то блеснуло перед глазами. Маша стояла перед ним с вытянутой рукой. Грязной ладонью она зажимала ножницы для нарезки бинтов. Они были раскрыты, и на лезвии алела свежая кровь.

Острая полоса боли прошла по его груди. Халат разодрало, на зелено-голубой ткани проступили красные пятна. Николай Владимирович отшатнулся, уставился на Машу, она на него. Глаза сверкнули голубым, тонкие губы приоткрылись, изо рта вылетел зеленый дым,

крутанулся и врезался ему в грудь. Кровь зашипела, словно от перекиси.

Ветер раздувал шторы, в окно залетала пыль, почти невидные крошечные точки играли на свету, опускаясь на стопки бумаг на столе и на подоконник с завядшим, похожим на грушу, кактусом. Мэтт Уолст выводил из колонки слегка металлическим голосом:

Я вижу настоящую тебя,
Даже если ты не видишь.
Я вижу...

Глава 3

Демон и ведьма

Катя уворачивалась от молотящих лап тени. Она держала полусогнутой рукой нож, но не нападала, а только отпрыгивала и отпрыгивала, уводя тень в чашу.

Еще несколько шагов, и Хору выскочил из земли, свалил тень, прижал лапами плечи. Катя навалилась сверху, собралась с силами и воткнула нож тени в грудь. Та исчезла, как будто ее никогда не было. Только Хору стоял, глубоко дыша, его глаза сияли желтым.

Катя выдохнула, стянула с плеч рюкзак и сунула туда нож. Это был трудный бой. Трудный, потому что впервые она по-настоящему спасала чью-то жизнь.

В нескольких метрах на земле лежала женщина лет тридцати. Она во все глаза смотрела то на Катю, то на Хору. Ее губы тряслись. Да и как могло быть иначе! Несколько секунд назад монстр навис над ней и уже замахнулся лапой. Катя успела буквально в последний момент.

Им было не до отработки приемов. Но они справились. Справились, и это было самое главное!

Девушка с трудом поднялась и стала трясущимися руками собирать вещи в сумочку. Наверное, просто от шока. Катя стряхнула налипшую на куртку грязь.

— Эй, — позвала она запыхавшимся голосом, — как насчет фото на память? Вы первый человек, которому я спасла жизнь. Это нужно поставить в рамочку...

Она замолчала, потому что услышала гулкое ворчание Хору.

«Она напугана», — пробасил голос в ее голове.

Катя хмыкнула. Можно подумать, она сама не испугалась. Она только что чуть не стала свидетелем смерти. Еще бы немного...

— Не обращайте внимания, — она подняла выкатившийся из сумочки блеск для губ и протянула девушке, — у меня просто такое чувство юмора. Я не имела в виду фото на самом деле. Я вообще не люблю фотографироваться. Тем более, — она поправила растрепанные волосы, — в таком виде.

Женщина отпрянула. Шок в долю секунды сменился яростью, и Катя отчетливо прочитала ее мысли. Пошел этот цирк к черту! Она подобрала сумочку и рванула в сторону «Молочного пузыря» так быстро, как только позволяли каблуки.

— Эй, подождите! — бросила Катя вдогонку. Женщина оглянулась, ее губы были плотно сжаты. — Понимаю, сейчас не время, но не могли бы вы оценить мои действия по шкале от одного до десяти?

Когда женщина ответила что-то между фырканьем и матом и исчезла из виду, Катя поджала губы.

— Но мне это нужно, чтобы оценить свои силы, — пробормотала она. — Знаешь, Хору, спасти людей, оказывается, очень неблагодарное дело.

— Думаю, она благодарна, просто ей сложно осознать, что произошло.

Катя закатила глаза. Хору: привычка наставлять — сто, чувство юмора — ноль, если не

ушло в минус. Она дошла до озера, уселась на траву — лунная дорожка немного дрожала, — стянула рюкзак и достала завернутый в пленку сэндвич.

— Драки отнимают все силы. Думаю, ни одна тренировка в спортзале так не выматывает, — Катя отхватила здоровенный кусок и продолжила с набитым ртом: — Впрочем, мне-то откуда знать?

— Ты стала действовать увереннее, — заметил Хору. Катя пожала плечами.

— Думаю, я просто привыкаю. Тени, монстры, надоедливые наставники. Можно ныть по этому поводу неделю, две, но в конце концов привыкаешь. К тому же, я все лучше чувствую силу. Сегодня с ее помощью я смогла найти девочку без сознания.

— То есть? — спросил Хору.

Катя отгрызла еще кусок сэндвича.

— Не знаю, я просто почувствовала какое-то уплотнение в тени, а потом... — она нахмурилась. — Если честно, я плохо помню, что было потом. Я пошла к уплотнению и увидела девочку из нашей школы. Она упала и разбила голову. Кажется, там был еще кто-то, но я не особо заметила.

— Это странно, — отозвался Хору задумчиво.

— Я была в шоке, — пояснила Катя, — я действительно боялась, что она мертва.

— Даже если так, через тень нельзя почувствовать чужую травму, если к этому не примешана магия.

Катя пожала плечами. Она проглотила остатки сэндвича и немного помолчала, пережевывая. И медленно проговорила, глядя на гладь озера:

— Откуда мне знать, ты ведь ничего не хочешь рассказывать о моих способностях.

Ночью у воды всегда было спокойно. В такие моменты Катя почти наслаждалась патрулированием. В конце концов, после всего, что с ней происходило, не так уж это и плохо — убивать тени и знать, что можешь за себя постоять. Сегодня она чувствовала себя сильной и полезной.

Она смотрела на гладь озера и полоску лунного света и думала об отце. Интересно, отец так же бродил по ночам с ножом и спасал чьи-то жизни?

Хору не любил о нем говорить. Каждый раз, когда Катя заводила разговор, он щетинился и всем видом показывал, что не собирается рассказывать ни-когда. Конечно, она могла бы схватить его за шкуру и держать, пока не ответит, но у ее наставника было одно отвратительное свойство. В любую секунду он мог просто нырнуть в пол или войти в стену и исчезнуть.

Он говорил, что таким образом перемещается в Мало. И... собственно, это было все, что Кате удалось узнать за почти месяц тренировок. Учитывая характер Хору, это был прогресс. Может, лет через двадцать — тридцать...

Что-то ударило в спину. Катя напряглась. Тень за ее спиной вздрогнула так сильно, что будто ударила Катю в спину. Если тень была водой, то что-то только что вынырнуло из самой ее глубины. Катя сглотнула. Судя по ощущениям, вынырнуло что-то действительно огромное.

Пару секунд она сидела, не решаясь повернуться. Слышала только, как дернулся за ее спиной Хору, как из его груди по берегу разносилось глубокое, бурлящее рычание.

— Хорошая ночь, охотник, — сказал чей-то хриплый тягучий голос.

Голос Кате не понравился. Как и ощущение, пронзившее все ее тело. Она медленно обернулась, надеясь, что увиденное окажется не таким страшным, как рисовало воображение.

Только размашистый клен в ореоле желтой и рыжей листвы. Часть листьев уже опадала и устилала берег. Воздух под деревом слегка искажался, но больше Катя ничего не заметила...

Еще один удар. Как будто большое сердце стучало где-то из-под дерева. Воздух дрогнул, потемнел. Миг, и словно из ниоткуда проявился силуэт. Белый сгорбленный человек в черном костюме. Он сидел, опираясь на ствол дерева. Его длинные ноги растянулись по земле, трава вокруг пожухла и почернела, листья скукожились. Катя почему-то подумала о жарящихся под лупой муравьях... И подумала, что будь у него лупа, он бы использовал ее только для этого.

Чтобы убивать.

Незнакомец медленно поднялся, поправил черный костюм и золотой зажим в виде змеи на галстуке. Поднял на Катю глаза — белые, как у слепых, и улыбнулся, обнажив зубы: все, как один, острые клыки, так что рот напоминал скорее пасть акулы. И все равно улыбка вышла вычурно вежливой, будто ее хозяин играл в лорда. Или хотел быть лордом. Катя почему-то не сомневалась, что власть по вкусу его острым зубам.

Хору выгнул спину. Катя потянулась к ножу, но человек (демон, поправила себя Катя, Хору называл таких демонами) со смехом отмахнулся.

— Не нужно, — от его голоса воздух вокруг завибрировал, — вы не сможете меня достать. Формально я даже не здесь. Пока что, — добавил он, глядя на луну.

Хору отступил на шаг. И темнота снова ударила. Катю будто сшибало невидимой волной. Она еле удержалась на ногах. Теперь незнакомец выглядел еще более... материальным.

«Он скоро будет здесь, — пронеслась мысль и сразу за ней: — Он убьет меня».

— Образ, — сказал Хору. Катя вспомнила, что он называл образом и свою тень на стене. Тогда он существовал только на плоскости. Но этот человек казался объемным. Хотя и немного призрачным. Катя не могла избавиться от чувства, что знала его. И от чувства, что лучше бы не знала.

Человек бросил взгляд на скукожившиеся под ним листья и выдохнул. Он посмотрел на лес, где Катя несколько минут назад устроила погоню за тенью. Обвел взглядом озеро, берег, всмотрелся в даль, туда, где за парковыми деревьями торчали плоские крыши домов.

— Зеленая Гора, — пробормотал он, вставая на ноги, — какая ирония — начинать там, где закончил.

— Начинать что? — тихо спросила Катя.

Незнакомец сосредоточил на ней взгляд. Катя считала это даже по совершенно белым глазам.

— Уничтожение мира, конечно, — он потянулся, — но не надо переживать, охотник. Я, конечно, не буду торопиться. Для начала сосредоточимся на том, чтобы выбраться.

Чернота снова толкнула. Катя представила, как это существо выкарабкивается откуда-то из другой реальности. Сколько времени ему понадобится, чтобы убить ее? Протянет ли она хоть минуту?

— Не думал, что смогу найти путь через охотника, — демон снова посмотрел на нее. Катя заметила черноту в белых глазах, чернота клубилась, как дым. — Ты, наверное, родственница Виктора? Ты много думаешь о нем во снах.

Катя смотрела на его хищный оскал и пыталась собраться с мыслями. Он знает про ее сны? Как, если она сама не знает?

Ее сны — причина его появления? Она виновата?

«Помнишь, как я выходил из стены?» — раздался в голове голос Хору. Его бас так неожиданно ворвался в мысли Кати, что она отшатнулась и чуть не упала. Но смогла удержаться в последний момент и даже воспользовалась моментом, чтобы удобнее перехватить нож.

«Это то, что он делает сейчас», — продолжил Хору у нее в голове. Катя вспомнила, как он выходил из стены в арке, когда она еще ничего о нем не знала. Позже Хору объяснил: ему было трудно из-за дневного света. Ночью выходы давались намного проще. Он буквально выпрыгивал из ниоткуда.

«Ему будет сложно выйти, — продолжил Хору, — мы должны этим воспользоваться».

— Я надеялся, ты мертв, — сказал он вслух. Теперь он скалился, и для Кати это был знак — держать нож наготове.

Незнакомец отмахнулся.

— Смерть — только формальность, — сказал он с хищной ухмылкой.

Хору зарычал. Но рык вызвал у демона только усмешку.

— И почему ты не рассказал ей о Викторе? — он стоял на месте, опустив руки, не двигаясь, даже не моргая. Только с трудом шевелил губами. — Каждый ребенок имеет право знать.

Понимаешь, дитя, — обратился он к Кате, глядя куда-то вдаль, — последнее, что я помню, как мы вместе опускались в корень Мало. Как бы объяснить попроще? Ты когда-нибудь попадала в ад?

Катя вспомнила уроки по технике безопасности и пожала плечами.

— Тебя рвет на куски, — продолжал демон, — разбирает на атомы, ты чувствуешь каждую крупицу тела, и она воет от жуткой боли. Ты не знаешь, кто ты, что ты, зачем. Но это не мешает чувствовать боль. Бесконечно. Это случилось и со мной, но я выбрался. А вот твой отец, судя по тому, что сила охотника передалась тебе, остался там навсегда. И я бы мог сказать, что мне жаль, но не хочется начинать новую жизнь с вранья. Надеюсь, я не слишком испортил тебе настроение?

Катя не ответила. Она не могла до конца осознать слова демона и, честно говоря, не хотела. Бывает правда, которую лучше вообще не знать.

Он продолжал стоять, вглядываясь в какую-то точку над ее головой. Катя продолжала сжимать в руке нож, Хору — скалить зубы. Бесконечная статичная картина.

«Он скоро выйдет из образа, — сказал Хору в голове Кати, — в этот момент он будет наиболее уязвим».

«Что я должна делать?» — Катя толкнула вопрос так, чтобы Хору услышал. Теперь она была рада, что он часами заставлял ее изучать эту технику.

Она почувствовала еще один толчок. Лицо человека исказила гримаса боли. Судя по всему, где-то там, в Мало, он прилагал немалые усилия, чтобы выбраться.

«Я отброшу его так далеко, как только смогу, — продолжал Хору, — но если однажды он нашел выход через твои сны, то сделает это снова. Через месяц или два, но он вернется. Ты должна защититься от этого».

Вот теперь-то он, наконец, решил говорить откровенно. Тень вокруг демона начинала бурлить.

«Тебе нужно найти того, кто сможет научить тебя контролю или даст амулет».

Катя расслабила пальцы и снова сжала рукоять. Ее ладонь вспотела. Не очень-то хорошо для предстоящей битвы. Она сощурилась и отвела взгляд.

За кустами промелькнуло что-то белое. Кто-то белый. Это пятно показалось знакомым, но Катя никак не могла вспомнить, с чем оно связано.

Она встряхнула головой. Неважно. Для начала выжить.

Хору зарычал, готовясь.

«В пещере на горе есть ведьмы, — продолжил он, — они могут научить тебя. Но они потребуют плату. Иди к ним только в крайнем случае. Помни, у тебя есть несколько недель, чтобы найти другое решение».

И только в этот момент Катя поняла.

«Погоди, ты не собираешься мне помогать?»

«Я толкну его в Мало. Если повезет, мне удастся вернуться. Тогда я сам помогу тебе найти ведьму».

«А если нет?»

Хору не стал отвечать.

Катя сглотнула.

«Сколько будет длиться момент его слабости?»

«Минуту, не больше, следи за его взглядом. Достаточно скоро... он уже не говорит...»

Человек, и правда, теперь стоял неподвижно, напоминая манекен. Катя воспользовалась моментом, чтобы разобраться в механизме образов. Ей представилось, что таинственное Мало — огромное пространство, вроде подземных канализаций. Судя по запаху выходящих из него теней, Катя была не так уж и далека от истины.

Выходило, что образ — это что-то наподобие перископа и сигнального фонаря одновременно. Сначала человек в черном создал его, чтобы оглядеться и оценить обстановку. Он говорил что-то о тропах, так что, возможно, он толкал вперед сразу несколько образов. Может быть, тысячи, пока не нашел «люк». А теперь он сам двигался к нему, чтобы выбраться в этот мир из вонючей канализации Мало.

«Сейчас!»

Хору бросился вперед. Катя помнила его слова, но решила: поддержка не будет лишней. И она оказалась права: первый удар Хору пришелся мимо.

Демон ускользнул, когти едва зацепили его пиджак. Он ухватил Хору за лапу и с силой ударил о землю. По высохшей и жухлой траве пробежала черная волна. Катя едва заметила ее. Она рванула, нацелив нож врагу в грудь, но, едва попав на черную землю, почувствовала тяжесть.

Ей словно приходилось двигаться в толще воды. Движения стали медленными и неправильными. Она нацелилась в грудь, а ее рука все летела и летела к цели. Все

происходило так медленно, что Катя начала сомневаться в собственных силах, открыла брешь, сквозь которую ворвался поток мыслей.

Как будто голоса всего мира кричали, что она не справится.

В следующий миг Катя уже лежала на земле и снизу вверх смотрела на нависшего над ней демона.

Она отползла на полшага, стараясь собраться с мыслями. Нож лежал где-то далеко в грязи. Так же, как лежал и Хору. Так же, как теперь лежала она. Прошло меньше десяти секунд, а они уже проиграли. Над ней нависал противник, который только что вышел из собственного образа. Который, по словам Хору, был еще слаб и чувствовал боль. Но даже с таким они ничего не могли сделать.

Демон встал на колени. Его руки легли на ее шею. Это движение было почти заботливым.

— Мне жаль, что приходится убить тебя, — его голос разнесся по лесу гулким эхом. Или это у нее в ушах звенело? — Но у меня не хватило бы времени сделать все как положено. Да-а-а-а, — протянул демон, и его пальцы надавили на шею, — думаю, придется пока поступить так.

Его пальцы были тонкими и сильными. Катя пыталась сделать вдох и все ждала, когда услышит хруст: казалось, он вот-вот сломает ей кости. Но он, кажется, знал, как правильно надавить, чтобы растянуть страдания.

Перед глазами все поплыло. Желтые пятна листьев, луна, черное небо, белое пятно за спиной демона...

Катя попыталась сосредоточиться на пятне, но теперь все стало серым. Горло жгло и чесалось, в ушах звенело. И вдруг — на пару мгновений — хватка Мормары ослабла. Его словно что-то толкнуло. Катя не знала почему, но не собиралась жаловаться.

Она оттолкнулась — нож был слишком далеко, чтобы добраться. Заметила растерянный взгляд демона. За его спиной Хору, шатаясь, только вставал на ноги. Значит, не он отвлек врага. Тогда кто?

Демон снова навалился.

Катя нащупала левой рукой ветку и что было сил ткнула ему в лицо. Демон дернулся, и Хору сбил его. Катя перевернулась на бок и закашлялась. Глаза застилали слезы. Она заставила себя — через боль в горле — сделать несколько вдохов. И услышала голос демона:

— Все равно я найду тебя.

Кате было не до того. Она чувствовала, что задохнется. Или что ее стошнит. Или разорвет от внезапного избытка кислорода.

А скорее всего, все сразу.

Через несколько бесконечных мгновений она смогла сосредоточить взгляд, но заметила только что-то черное, растворяющееся в земле.

Хору все-таки удалось столкнуть демона. Но что это значило для нее? Что вообще все это значит?

Катя ползком добралась до ножа, схватила его, доползла до дерева — того самого, где увидела демона впервые, прижалась к его стволу и наконец принялась дышать по-настоящему.

Она чувствовала, что только что соприкоснулась с огромной силой. Эта сила подобралась к ней однажды и наверняка повторит попытку. И что дальше?

Катя сглотнула.

Так или иначе, пока самое страшное было позади. Демон ушел. И Хору сказал — теперь у нее есть несколько месяцев, чтобы найти ведьму и получить амулет.

Всего-то.

Глава 4

Пещера ведьм

— Я мерзну, — сказала Ангаль, сложив руки под грудью, — закрой окно.

Дождь усилился и теперь заливал не только подоконник, но и линолеум медицинского кабинета. Его запах причудливо смешивался с запахом бинтов и стойким, вьевшимся — лекарств. Ветер дул нещадно, часть бумаг улетела. Доктор собрал, сложил неровной стопкой и придавил подставкой для карандашей.

— Ты сама хотела свежего воздуха.

Он поднялся, подошел к зеркалу и внимательно изучил лицо: поочередно раскрыл пальцами оба глаза, провел вдоль линии губ и по подбородку. Пришлось надевать новый халат. Старый был разодран и измазан кровью. Ангаль смотрела на него не отрываясь.

[Купить полную версию книги](#)